

БРАТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ, ЕЕ СЛАВНОМУ НАРОДУ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА

АХ ДҮҮ СОЦИАЛИСТ МОНГОЛ, ТҮҮНИЙ АЛДАРТ АРД ТҮМЭНД ЭНЭ ДУГААРЫГ ЗОРИУЛАВ

Д. ПУРЭВДОРЖ

Ленин

Неспешно продвигаюсь по теченью
реки, что льется столько лет подряд.
Неспешно продвигаюсь...
— Ленин!
Ленин! —
сердца людей друг другу говорят.
Встречались, не встречались ли мы прежде —
у всех глаза и строже и светлей.
И вот оно — кремлевское созвездье
над Красной площадью!
И вот он — Мавзолей.
А за стеной квартира, где когда-то
он жил, кого мы гением зовем!
Там побывал герой наш Сухэ-Бáтор
и долго с ним беседовал вдвоем.
В обычном кнутовище из сандала,
лоснящемся от пота скакуна,
Сухэ́ привез письмо, что написала,
о Ленине узнав, моя страна.
Письмо, что для монгольского народа
навеки стало светлою судьбой...
Я сердцем слышу голос, что в те годы
собратьев вдохновлял на труд и бой.
Все тише продвигаюсь по теченью
людской реки, текущей день за днем.
Все тише продвигаюсь...
Вот он — Ленин,
кого зовем уверенно вождем.
Вокруг него Москва — в движенье, в гуле.
А здесь он спит, народом всем храним.
И навсегда в почетном карауле
застыли стяги красные над ним.
Здесь Ленин спит.
Он дорог нам, как воздух,
как жизнь, как наша правда дорога,
чей свет горит в кремлевских алых звездах
и день и ночь,
бросая в дрожь врага...
Здесь Ленин спит.
Я об одном жалею —
что повидать его живым не смог.
Пройдя со мной под сводом Мавзолея,
дробится на ручьи людской поток.
И пусть мои слова — лишь повторенье
мильона клятв и в прозе и в стихах:
живет в моем горячем сердце
Ленин!
Дает борцам презренье к смерти
Ленин!
Во всей Вселенной
будет жить в веках!

Перевел с монгольского
Павел Железнов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 43 (2156)

Основан 1 апреля 1923 года

19 ОКТЯБРЯ 1968

УТРО СТОЛИЦЫ.
Гравюра Амгалана.

БРАТСКИЙ ПРИВЕТ НАРОДАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН, СТРОЯЩИМ СОЦИАЛИЗМ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИРОВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА — ТОРЖЕСТВО ВЕЛИКОГО ДЕЛА ОКТЯБРЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА!

Из призывов ЦК КПСС к 51-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Сила наша в дружбе и единстве

Юмжагийн ЦЕДЕНБАЛ,
Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии,
Председатель Совета Министров МНР

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась огненным факелом, пробудившим монгольский народ и озарившим его путь к свободе и счастью. Благодаря влиянию освободительных идей Великого Октября монгольский народ под руководством народно-революционной партии, созданной выдающимся сыном монгольского народа Д. Сухэ-Батором и его соратниками, в 1921 году совершил народную революцию, сверг господство иноземных захватчиков и внутренних феодалов. С тех пор прошло 47 лет. За этот исторически короткий отрезок времени произошли поистине великие перемены в жизни монгольского народа. Главный итог пройденного нашим народом нелегкого пути — это совершенный им скачок от тьмы средневековья к современной социалистической действительности.

Старая Монголия была порабощенной колонизаторами страной с монокультурной экономикой, представленной отсталым скотоводческим хозяйством, носящим натуральный характер. Самоотверженный труд монгольского народа и его неустанная борьба по преодолению многовековой отсталости под руководством своей партии привели

к коренному изменению облика всей страны. Сегодняшняя Монголия — это страна с развивающейся современной промышленностью, высокомеханизированными государственными зерновыми и животноводческими хозяйствами, машинно-животноводческими станциями, с все укрепляющейся сельскохозяйственной кооперацией, неуклонно развивающимися наукой и культурой. Железные дороги, автомобильный и воздушный транспорт, телеграфно-телефонная связь, радио, газеты и журналы — все это глубоко вошло в повседневный обиход трудящихся страны.

Величественные по своему значению преобразования произошли в области развития народного просвещения, здравоохранения, науки, искусства. Всем детям обеспечивается возможность получения семилетнего образования. Монгольские высшие учебные заведения готовят врачей, ветеринаров, зоотехников, учителей, экономистов, агрономов, а также инженеров различных специальностей. Характерно то, что в стране, где основными производителями материальных благ являлись темные, безграмотные крепостные скотоводы, которые вели животноводческое хозяйство самым примитивным способом, современная ветеринарная служба давно уже стала неотъемлемым элементом хозяйства, а количество чабанов, имеющих ныне неполное или полное среднее образование, растет с каждым годом, особенно в сельхозобъединениях. На новых местах возникли и растут центры сельскохозяйственных объединений, госхозов, их бригад и отделений, а также рабочие поселки и новые города, в том числе город дружбы народов — Дархан.

Выдающимся достижением монгольского народа является воспитание кадров национального рабочего класса и национальной интеллигенции, создание и развитие новой экономики и культуры. Все это совершенно по-новому преобразовало социальную структуру общества. Таковы вкратце те коренные изменения, те удивительные превращения, которые произошли в Монголии.

Прекрасны и перспективы развития МНР, которые определены новой Программой партии, принятой ее XV съездом в 1966 году. В ней определены задачи завершения социалистического строительства в нашей стране. Центральной экономической проблемой предстоящего периода является завершение создания материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства. Партия поставила задачу превратить МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну, имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности.

Великие успехи Монгольской Народной Республики являются результатом самоотверженного труда монгольского народа, правильной политики МНРП, результатом беззаветной ее верности марксизму-ленинизму, плодом того, что наша партия вела свой народ по единственно правильному пути, указанному В. И. Лениным, — по пути некапиталистического развития к социализму. Исторические достижения монгольского народа подтверждают силу и правоту марксистско-ленинского учения о возможности перехода отставших в своем развитии стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Решающим внешним условием одержанных монгольскими трудящимися исторических побед является всесторонняя бескорыстная помощь, оказанная и оказываемая первой страной социализма — Советским Союзом нашему народу в завоевании и укреплении его свободы и государственной независимости, создании и развитии новой экономики и культуры, в подъеме народного благосостояния.

В. И. Ленин и Д. Сухэ-Батор завещали нам укреплять союз и дружбу монгольского народа с великим советским народом. Трудящиеся МНР и его марксистско-ленинский авангард — МНРП верны и преданы этому священному завету. Испытанная временем и скрепленная кровью в совместной борьбе, монголо-советская дружба всегда будет святыней для трудового монгольского народа, который пре-

Сегодняшняя Монголия — это линия электропередачи в полупустыне, строительство шоссейных дорог и заводов, новые ТЭЦ и промышленные комплексы. В семидесяти пяти километрах от Нового Дархана с помощью советских специалистов построен угольный карьер. Экскаваторщики, шахтеры, бульдозеристы, монтажники — новые профессии аратов. И чтобы идти в ногу с веком, чтобы традиционное своевременно дополнялось достижениями науки, монголы охотно и упорно учатся. Книги и в руках самых маленьких, и на сиденьях мощных самосвалов, и в аудиториях университета...

На этих снимках: шахтеры Шарынгола; одна из многочисленных строительных площадок Улан-Батора; молодые прядильщицы; новый пейзаж древней страны; студенты столичного университета и первоклассница.

Снимки агентства МОНЦАМЭ.

красно понимает, что сила наша—в дружбе и единстве. МНРП постоянно учится на всемирно-историческом опыте великой ленинской партии, воспитывала и воспитывает трудящихся нашей страны в духе нерушимой дружбы и братства с великим советским народом, с народами других социалистических стран, в духе солидарности с международным рабочим и национально-освободительным движением, с трудящимися всех стран. Необходимость постоянного укрепления дружбы и единства с народами других социалистических стран в нашей стране возведена в конституционный принцип. В конституции, принятой Великим Народным Хуралом МНР в 1960 году, говорится: «Высшим долгом МНР, наиважнейшим условием ее всестороннего расцвета и дальнейшего укрепления ее независимости является постоянная забота о всемерном упрочении единства и сплоченности народов социалистических стран на основе принципов марксизма-ленинизма».

Конституция обязывает каждого гражданина МНР рассматривать всемерное укрепление интернациональной дружбы народов как объективную необходимость и на своем участке своими практическими действиями на деле способствовать укреплению дружбы и солидарности трудящихся, единства и сплоченности народов социалистического лагеря, решительно бороться со всякого рода явлениями, способными наносить ущерб этой священной дружбе и единству.

Наша братская дружба куется и укрепляется повседневными делами советских и монгольских тружеников. На стройках Монголии, где остро ощущается недостаток трудовых резервов, работает многотысячный коллектив советских специалистов и квалифицированных рабочих, которые рука об руку со своими монгольскими друзьями активно участвуют в социалистическом строительстве в нашей стране, своим честным и добросовестным трудом оказывают большую интернациональную помощь нашему народу. Принципы чистосердечной дружбы и братства наших народов закреплены в монголо-советском Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанном в начале 1966 года во время пребывания в МНР советской партийно-правительственной делегации во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

В современных условиях, когда мировая империалистическая реакция предпринимает яростные атаки против социалистических стран, когда поднимают голову ревизионисты и другие оппортунисты в коммунистическом движении, настоятельной необходимостью встает задача повседневного и всемерного укрепления единства народов социалистических стран, организации решительной борьбы с ревизионизмом и другими антимарксистскими течениями. МНРП и впредь будет последовательно бороться за неуклонное упрочение единства и сплоченности народов социалистических стран и рядов международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма, за чистоту марксистско-ленинского учения. В Программе нашей партии говорится: «МНРП считает своим святым долгом и интернациональной обязанностью решительно защищать и постоянно укреплять нерушимую братскую дружбу и единство с народами Советского Союза и других социалистических стран, сплоченность народов мировой системы социализма. МНРП выступает против антимарксистского курса на подрыв единства социалистических стран, противопоставление одного народа другому, на изолированное от братских стран развитие, против всяких действий, могущих нанести ущерб священной дружбе народов стран социализма и причинить вред делу неуклонного укрепления могущества мировой социалистической системы.

МНРП и впредь будет воспитывать коммунистов, всех трудящихся страны в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов, в духе непримиримости к любым проявлениям национализма и шовинизма — политического и идеологического оружия империализма против социализма. Партия будет вести борьбу против национального эгоизма, проповеди национальной исключительности, всегда проявлять высокую бдительность в отношении реакционных идей национализма». Духом этих требований проникнут проходящий ныне в МНР месячник монголо-советской дружбы, который выливается в яркую демонстрацию подлинного братства и единства наших народов.

Монголы знают, какой дорогой ценой досталась победа над фашизмом и какую решающую роль сыграли в этом героический советский народ и его доблестные вооруженные силы, подвиги которых бессмертны и совершены ради торжества жизни над злом. Они знают, что плоды такой победы необходимо бдительно беречь от происков империалистов и их пособников. С этими мыслями трудящиеся МНР с большим подъемом готовятся встретить два знаменательных события — 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина и 50-ю годовщину Монгольской народной революции, исполняющуюся в июле 1971 года. Они стремятся встретить эти великие события трудовыми успехами в выполнении заданий четвертой пятилетки развития народного хозяйства и культуры МНР на 1966—1970 годы.

Трудящиеся МНР шлют своим советским братьям и сестрам — первым строителям коммунизма на земле, главным защитникам мира и безопасности народов сердечные поздравления с 51-й годовщиной Великого Октября и наилучшие пожелания в утверждении коммунистических принципов и в упрочении всеобщего мира.

Выражаю искреннюю благодарность журналу «Огонек» за выпуск номера, посвященного Монгольской Народной Республике, и передаю сердечный привет и наилучшие пожелания нашим верным друзьям — советским людям.

Ч. ЧИМИД

Великий всадник

Едва-едва оттаяла луна,
Открылись дали с новою травой,
В степи раздался топот скакуна,
И люди голос услыхали твой.

Ловили юноши за юртами коней,
Набрасывая седла на ходу,
И за тобой летели в синь степей
Под стягом, приторόченным к седлу.

В то утро солнце с Севера взошло,
Очнулись реки и взломали лед!

Ах, как он поработал хорошо
От Кяхты до Урги, тот ледоход!

Веселая победная вода,
С ней жизнь пришла в монгольские края!
С тех дней осталась с нами навсегда
Улыбка белозубая твоя.

Вперед ведет нас партии рука,
И нет в степи дорог твоих прямей.
Запомнили враты на века
Твой зов, отцов поднявший на коней!

Перевел с монгольского
Ник. Быков.

1

3

2

1 Есть награды, которые, быть может, особенно дороги. Эдуард Гущин, мастер спорта международного класса, завоевал бронзовую медаль в толкании ядра.

2 Первую золотую олимпийскую медаль принес советской команде заслуженный мастер спорта Владимир Голубничий. Он стал победителем в спортивной ходьбе на 20 километров.

3 Финал бега на 10 000 метров. Мужественно вел борьбу на дистанции Николай Свиридов (третий слева), мастер спорта международного класса. Он был пятым у финиша, но сумел показать лучшее время среди европейцев.

4 Коррида — любимое зрелище мексиканцев и спортсменов — гостей Мехико.

5 Тоже чемпион! По олимпийским значкам...

6 Счет медалей наших тяжелоатлетов открыл Дито Шанидзе. Он был вторым в труднейшем соревновании атлетов полулегкого веса.

7 На улицах и площадях Мехико — песни, танцы в честь Олимпиады.

8 Заслуженный мастер спорта, боксер Борис Лагутин. Тренировка несколько необычная...

4

5

6

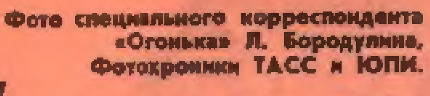

Фото специального корреспондента «Огонька» Л. Бородулина, Фотохроники ТАСС и ЮПИ.

8

7

ЧТО НАС ОЖИДАЕТ?

Мы долго думали: какое общее название дать олимпийским репортажам из Мехико? Название, как известно, привлекает читателей. Кто из нас об этом не думает? Но, как говорится, дело не в названии. Дело в том, что под этим названием будет заключено. Но так же, как и спортсмены, приехавшие в Мехико более чем из ста стран, не знают еще, как сложатся Олимпийские игры, так и мы, естественно, не знаем, о ком и о чем мы напишем. Конечно, нам хотелось бы побольше написать о советских спортсменах... но мы еще не знаем, кто станет героями Мехико 1968 года.

— Ну как? — спрашивали нас любители прогнозов.

— О чем вы?

— Что нас ожидает?

— Где?

— В Мехико.

— Не знаем.

— Как не знаете?

— Ну, можем только предполагать...

— Но вы же летите?

— Летим.

— Так какое же вы имеете право не знать?

— О чем вы?

— Что нас ожидает?

Что нас ожидает? Если б мы могли только знать, что нас ожидает!

Прилетев в Мехико, мы снова натолкнулись на любителя прогнозов. Он был в составе нашей туристской группы.

— Ну как? — спросил он.

— О чем вы?

— Что нас ожидает?

Дальше диалог почти повторился, с той только разницей, что вместо вопроса: «Вы летите?» — было сказано с возмущением: «Но вы же прилетели в Мехико?» Честно признаемся, профессора прогнозоведения и нас вовлекли в этот не учтенный программой Олимпийских игр вид спорта.

Мы отправились в олимпийскую деревню, тем более, что живем мы рядом, что называется, бок о бок со спортсменами. В олимпийской деревне встретили руководителей нашей спортивной делегации. Они были молчаливы и озабочены.

— Ну как? — робко спросили мы.

— О чем вы? — последовал ответ.

Больше вопросов с нашей стороны не поступило. Вопросы были чуть позже, на пресс-конференции, которую вел руководитель советской делегации С. П. Павлов. Иностранные журналисты интересовались многим. Журналист из Панамы спросил:

— Почему советские спортсмены мало выступают за рубежом?

И был получен ответ:

— За последний год более тысячи раз советские спортсмены выступали за рубежом. Мы даже подумываем о том, чтобы несколько сократить количество выступлений.

Представитель Ассошиэйтед Пресс поинтересовался, как в Советском Союзе относятся к профессиональному спорту.

— Нам представляется, что спорт не может быть профессией. Мы за спорт любительский, спорт многих миллионов людей. Спорт как отдых, спорт как источник здоровья.

Кажется, американский журналист остался недоволен ответом. Он поморщился и что-то пробурчал своему соседу. Кстати или некстати, американские журналисты почему-то многим здесь недовольны. Так, они вдруг заявили, что из-за студенческих волнений в Мексике американская сторона готова за два дня перевезти весь наличный состав Олимпийских игр в Детройт.

Их спросили:

— А почему бы не в Даллас или в негритянские кварталы Лос-Анджелеса, где идет стрельба не по мишеням, а по живым целям? Или, быть может, в Алабаму?

Американцы широко поощряют профессиональный спорт. Это их личное дело. Но иногда, не только на спортивных аренах, они пользуются и любительским спортом. Еще до открытия игр в пресс-центре олимпийской деревни американские журналисты снова предъявили ультиматум.

А. СОФРОНОВ, В. ВИКТОРОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

КСИКАНСКАЯ СИМФОНИЯ

Честь зажечь олимпийский огонь была предоставлена чемпионке Мексики в беге на 400 метров Энрикете Басилио.

В Мехико перепадают дожди. Даже ливни. В помещении пресс-центра олимпийской деревни крыша дала течь. Хозяева игр — мексиканцы — немедленно начали ремонтировать крышу. Но до этого несколько капель упало на столики, за которыми стучали на пишущих машинках американские журналисты. Они были возмущены. Вытащили фотоаппараты и начали щелкать кадр за кадром, как мексиканские ребята заделывали течь. Как известно, люди любят фотографироваться, но не в таких случаях. Мексиканцы, зная нравы американской прессы, возмутились. Они не жаждали популярности, но американцы продолжали «ловить» хотя бы маленькую сенсацию, заявив, что, если им не создадут условий, все американские журналисты покинут Олимпийские игры. Так был поставлен первый рекорд. Рекорд беззастенчивости. Вот тут-то и состоялся первый тур бокса, в данном случае любительского. Как известно, мексиканцы — люди темпераментные...

Вообще же мы можем с чистой совестью заявить: мексиканцы сделали все, что можно, чтобы встретить и спортсменов и туристов, прибывших в Мехико со всего мира, наиболее гостеприимно и интересно.

Мехико не только большой город, но длинный. Центральная магистраль города тянется на 32 километра. Вся она словно бы поет одну песню, песню Олимпийских игр. Огромные фигуры бегунов и тяжелоатлетов установлены в центре магистрали. По вечерам крутятся, как белки в колесе, разноцветные пять олимпийских колец. Летят в звездное мексиканское небо электрические копья, на витринах магазинов пять колец, вытисненные, отпечатанные, вышитые на всех товарах. На оранжевых платьях девушек, работающих в различных центрах Олимпийских игр,— пять колец. Серые пиджаки юношей — в таких же кольцах. Кажется, такими кольцами окольцован весь Мехико. Кольцами здоровья и мужества. Обручальными кольцами юности, собравшейся здесь на стадион.

Ранее мы побывали на Олимпийских играх в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио. Все эти города предоставили в свое время все лучшее, все возможное для своих гостей. И все города запомнились каждый по-своему. Но уже можно сейчас сказать, что ничего подобного не было на предыдущих играх. Страсть и любовь мексиканцев к музыке, песням, танцам известны. Мы об этом знаем в основном по многим кинофильмам, по гастролям мексиканских ансамблей и артистов, побывавших в Советском Союзе.

Но при самом большом воображении мы не могли представить себе то количество (именно количество) музыки, причем музыки народной, которая хлынула на нас буквально с первых часов нашей жизни в Мехико.

Величественное зрелище — Олимпийский огонь загорается на пирамиде Луны, окруженной тысячами поющих юношей и девушек. Дорога, усыпанная цветами, по которым бегуны проносили олимпийский факел, тысячи тысяч мексиканцев на всех дорогах Мехико. Десятки небольших, ярко одетых, с аккордеонами и гитарами... Боже ж мой, известная нам песенка «Чилита», которую мы пели еще в юности, звучит здесь и поныне! Здесь она народная песня. ...Музыка, словно увертюра к мощной спортивной симфонии, открыла дорогу к XIX Олимпийским играм.

Именно симфония. Мексиканская симфония, в которую будут вплетены различные мелодии, исполняемые фортиссимо и пианиссимо, несколько ее частей, сыгранных и разыгранных под синим мексиканским небом на стадионах и под крышами новых спортивных сооружений, переливающихся сейчас всеми цветами радуги. Солисты уже прошли весь период репетиций. Начались сольные и ансамблевые выступления на беговых дорожках и на рингах, под сетками и над сетками, в бассейнах и озерах, в Мексиканском заливе. Всюду-всюду зазвучала напряженная драматическая мексиканская симфония. Но в каждой симфонии, если она не формалистическая, всегда имеется, во всяком случае, желателен, лейтмотив.

Будем надеяться, что в мексиканской симфонии, во всех ее частях настойчиво будет звучать лейтмотив дружбы, а все, что какофонически ворвется в этот лейтмотив, будет подавлено торжеством честной спортивной борьбы, торжеством подлинной силы и мужества. Будем надеяться.

НА ВИЛЛЕ ПРЕНСА

Главный проспект Мехико — Инсурхентес — протыкает весь город насквозь, как гигантский шампур. И на этот стержень нанизаны почти все стадионы, бассейны, зоны, в которых сейчас ведут борьбу лучшие спортсмены мира. Первой такой олимпийской обителью, если двигаться по Инсурхентес на север, является вилла Пренса, хотя ее обитатели и не претендуют на олимпийские медали и на места на пьедестале почета. «Пренса» по-испански — «пресса». Вилла Пренса — Дом прессы, а без прессы мир ничего бы не узнал о событиях, происходящих в далеком Мехико на XIX Олимпийских играх. Вот почему и включена вилла Пренса в число олимпийских сооружений, вот почему мы и начинаем свое двухнедельное путешествие по проспекту Инсурхентес с нашей виллы, где в корпусе 28, в квартире 003, разместился корреспондентский пункт «Огонька».

На вилле живут и работают журналисты — кто в тиши своих комнат, кто в кипучем трехэтажном доме пресс-центра. В пресс-центре находится служба олимпийской информации, обрушивающая на наши головы сотни сообщений, протоколов, коммюнике. В зале, где установлены широкоэкранные телевизоры и пишущие машинки, телефонные кабины, связывающие виллу Пренса со всем миром, почта, представительства крупнейших фотофирм, наши именные сейфы и, наконец, все телеграфные агентства мира, в том числе и наш родной ТАСС.

Мы заглянули к тассовцам, выбрав для этого раннее утро, единственное время, когда есть возможность побеседовать в относительной тишине. Если корреспондентов еженедельников по темпу их работы можно сравнить с марафонцами, то тассовцы, конечно, спринтеры. Увидеть, осмыслить, передать тут же, мгновенно, — вот стиль их работы. С ними могут соперничать только радиокомментаторы и представители боевого АПН — агентства печати «Новости». Вот эти-то два агентства, телеграфное и новостей, волей бесчисленных километров, отделяющих берега Мексики от берегов СССР, и стали главным центром притяжения для нас всех — и газетчиков и журналистов: ведь тассовцы и апээновцы обладают самыми надежными и рентабельными средствами связи — телетайпами и телексами.

Да, связь была одной из самых трудных задач, вот почему еще до отъезда в Мехико впервые в истории спортивной журналистики был образован пул — содружество корреспондентов ТАССа и наших газет. Впрочем, система пула, как сообщил нам заведующий спортивной редакцией ТАССа Аллан Стародуб, использована и в интернациональном плане. Создана «Кора», в которую вошли четыре крупнейшие телеграфные агентства мира — ТАСС, ЮПИ, «Рейтер» и АПН.

Наши тассовские соратники рассказали нам, что в часы пик, когда новости стекаются со всех сторон, пол буквально вибрирует под ногами. Это работают десятки телетайпов под крышей пресс-центра.

Что же все-таки нас ожидает?

Как известно, Мехико расположен на высоте 2 240 метров над уровнем моря. Высота достаточно солидная для того, чтобы на первых порах предаваться тревогам.

Один наш знакомый, знающий все, всегда, обо всех и обо всем, сказал, провожая нас в Мехико:

— Учтите, на такой высоте, чтобы прилично себя чувствовать, надо придерживаться двух правил: ходить медленно и не волноваться.

— А вы были в Мехико?

— Нет, конечно.

— А почему же вы все так хорошо знаете?

— Это вопрос риторический...

Для тех, кто не бегает, кто не сражается на рингах и спортивных площадках, эти правила вполне приемлемы. Но для тех, кто именно здесь должен полностью показать свои спортивные возможности, эти милые правила как раз и невыполнимы. А волноваться? Мы не очень верим в спортсменов, которые не волнуются. Кто в этом сомневается, спросите у Юрия Власова, нашего богатыря, спортсмена, принесшего так много славы советскому спорту. Или почитайте его рассказы на эту тему. Так что волнения здесь будут. И не только у спортсменов. И не только в Мехико. Даже не столько в Мехико.

Мы думаем, что в эти дни миллионы людей в Советском Союзе будут волноваться не меньше нас, находящихся в Мехико. Или мы ошибаемся? Думаем, что не ошибаемся. Так что волнения ожидают всех. И немалые. Вот это для начала мы вам можем обещать.

«МУЧАС ГРАСИАС»

Откровенно говоря, мы не собирались описывать открытие Олимпийских игр. Все это наверняка описано в наших газетах... Зачем же стараться? Но, пробыв на олимпийском стадионе четыре с лишним часа (по привычке приехали пораньше), мы уехали, взволнованные поэтичностью и плавностью всего парада и тех церемоний, которые сменяли одна другую. В самом деле — 113 делегаций, рекордное число для всех Олимпийских игр, вышли на поле стадиона. Делегации внушительные, в несколько сот участников, и совсем малочисленные — до двух человек. Два человека, но все равно над ними знамя родины.

В Хельсинки и Риме некоторые африканские страны были представлены вот так же одним-двумя спортсменами. Теперь эти страны шли внушительно, с полным сознанием своей державности. Зашумел стадион, когда монгольский богатырь, высоко подняв древко знамени, тяжелой походкой шел впереди своей, пусть не очень большой делегации. Аплодисменты перекатывались из края в край стадиона с каждой новой делегацией. Знамена трепетали на ветру. Вот новый шквал аплодисментов взмыл над стадионом — это появилась советская делегация. Послышались выкрики:

— Наташа! Наташа!

Да, рядом с Леонидом Жаботинским, несшим красное знамя в вытянутой руке, шла, словно бы пританцовывая на ходу, Наташа Кучинская, а с другой стороны белоголовая Галина Прозуменщикова. И, конечно, буря разразилась над стадионом, когда появилась мексиканская делегация.

— Вива, Мехико!

— Мехико! Мехико! — скандировали зрители. Здесь и можно было убедиться, как любят мексиканцы свою родину. Убедиться и вспомнить суровые бои за независимость Мексики. А в небо уже взмыли пять огромных разноцветных колец. А за ними — десятки тысяч разноцветных шаров. А за ними — тысячи тысяч голубей. И над всем этим праздником силы, ловкости и красоты загорелся в наклоненной в сторону стадиона чаше олимпийский огонь, впервые в истории Олимпийских игр зажженный девушкой.

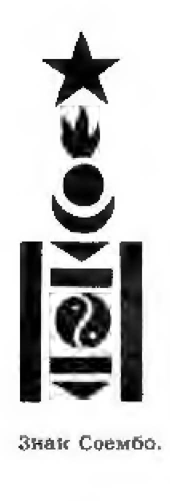
А затем, исполненная грации и какого-то раздумья, прошла церемония передачи олимпийского знамени Японией Мексике. Медленно шли по беговым дорожкам навстречу друг другу мексиканские и японские женщины, сопровождаемые мужчинами. Медленно, медленно шли они в изумительно красивых национальных костюмах, и стадион замер, затих, затаил дыхание, так все это было значительно не только для Олимпийских игр и для Мексики, а и для всего человечества. Значит, можно и так, с уважением друг к другу, народа к народу...

А когда спортсмены покидали стадион и советская делегация приблизилась к выходу, на арену стадиона к ногам Наташи Кучинской полетели сомбреро, и раздалось громкое скандирование:

— Наташа!.. Наташа...

...В ресторане виллы Пренса мы оказались за

Окончание на стр. 28.

Знак Соембо.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Соембо

ДОБРЫЙ БОГАТЫРЬ

В это утро, выйдя из дома, мы шагали не по асфальту, не по брусчатке и даже не по траве. Мы ходили по эдельвейсам. И да простят нас поэты, воспевшие благородный цветок, мы его нещадно топтали. Но, помилуйте, что было делать? Земля, по которой мы бродили, сплошь поросла эдельвейсом.

Тариат-сомон. Поселок в горах Хангая. Высота 2 500 метров над уровнем моря. Мы это узнали утром, ибо ночью дорога казалась нам весьма пологой. Это, правда, было не первое и не последнее наше удивление...

Ночная дорога. Свет фар. И вот на этом ярком пятачке каждую минуту появляются новые персонажи. Один из них, заяц, немедленно решил покинуть наше общество, и мы километр-другой видим перед собой мелькающий белый хвост трусишки. Но были и другие встречи. Вдруг вырастали зеленые звезды глаз. Хищник. Кто? Корсак? Волк? Глаза метнулись, и трава скрыла зверя. Мы выходим из машины. Мрак. В черном небе битый хрусталь звезд. Ночь полна звуков. Стоны, вздохи, крик, то жалостный, то зловещий.

Природа Монголии былинна, она поражает своей первозданностью, чистотой...

Свежее утро. Мы у обелиска на центральной площади Тариат-сомона. Его увенчивает звезда. В центре обелиска знаки соембо и серпа и молота. Вечной дружбе посвящен этот памятник. Он превосходно поставлен — фоном служат заснеженные вершины гор и сияющее небо. Рядом школа-десятилетка, строится новый Дом культуры. Подле коновязи стоянка мотоциклов. Вокруг, на изумрудном ковре, белоснежные полушария юрт. К нам приближается всадник. На пятнистом, как барс, коне с длинным хвостом и гривой высится, нет, не точно,— громоздится огромный мужчина. Он, дружелюбно улыбаясь, спешивается. Передо мной богатырь. С могучими покатыми плечами, в малиновом дэли, подпоясанном желтым бусом, он бережно взял наши руки в свои и осторожно пожал их. Лицо излучало приветливость и покой. Его зовут Жамьян. Он «Исполин». Это — звание многократного победителя всенародных соревнований по национальной борьбе. Жамьян был «Соколом», «Слоном», «Львом» и наконец стал «Всенародным Исполином». Правда, то было давно, лет тридцать назад. Но и сегодня он добрый, славный великан.

Спрашиваем у Жамьяна, что раньше было на этом месте. Отвечает: «Ничего». Наш добрый друг Тумэнжаргал показывает Жамьяну на соембо и серп и молот и спрашивает, что он может рассказать об этом.

Жамьян достает зеленый шелковый кисет, вынимает красивую нефритовую табакерку: угощает нас табаком.

— Этим знакам хорошо рядом. Вы спрашиваете: что такое соембо? В нем есть огонь, солнце и луна. Значит, в нем много света. А вот эти прямоугольники — наши монгольские души,— прямые, честные, спокойные, они не подведут. Широкая река всегда спокойна...

Жамьян снова осторожно пожал нам руки.

КАК БЫЛ ПОБЕЖДЕН ДРАКОН

Прозрачен Тамир. Медленно шумят воды прохладной реки. Серебряные ивы, белые березки глядят в зеркальные заводи. Тихо. Лишь иногда вдруг плеснет хвостом крупный таймень, и снова тишина. Благодатный край Ихтамир-сомона.

Мы стоим на пестром ковре горного луга. Прямо перед нами, словно вросший в землю, высится огромный коричневый камень. Не камень — скала! Это Тайхар. Легендарный камень.

— В далекие времена,— рассказывает нам депутат Великого Народного Хурала, председатель объединения «Светлый путь» Минчжур,— в стародавнюю пору над нашей чудесной долиной нависла грозная беда.— Он взял нас под руку и, повернув, показал на синеющие вдали горы.— Вот откуда, а это примерно около шестидесяти километров, приполз к нам под землей страшный дракон, и когда голова его появилась здесь, где мы с вами стоим, то хвост его еще оставался вот в тех далеких горах. Он приполз в наш благословенный край и хотел уничтожить народ. Тогда богатырь Билэгт решил убить дракона. Он поднялся вот на тот перевал,— тут Минчжур показал нам седловину, поросшую лесом,— поднял камень Тайхар и метнул его в голову змея. Удар был такой сильный, что голова дракона глубоко ушла в землю. Чудовище погибло, и народ был спасен... Мне думается, что не случайно родилась эта легенда. В ней воплотилась извечная мечта наших людей о свободе. В ней нашла отражение история борьбы и победы нашего народа.

Я сын бедняка,— продолжал Минчжур,— каких было много. Ведь мы были забитой страной, стонавшей под игом маньчжур.

Каждое слово рассказчик подкреплял энергичным взмахом руки. Его чеканное лицо с крутым лбом, изборожденным морщинами забот, и седые волосы многое сами рассказывали о прошлой нелегкой судьбе.

— В восемь лет я остался круглым сиротой, и меня взял в семью дядя. Кто не знает, что такое сирота! Потом меня отдали послушником в монастырь, в бедную кумирню, к ламе, который подрабатывал на хлеб знахарством. Я питался объедками со стола лам. Ламы в ту пору составляли чуть не половину всего мужского населения Монголии. Этим маньчжуры добивались полного закрепощения народа. Нам грозило вымирание. Ведь ламы давали обет безбрачия. Жизнь впроголодь мне надоела, и я мечтал убежать из монастыря. Стал табунщиком. Голодал и холодал. Да что вспоминать об этом, когда это давно прошло и никогда не вернется... Тринадцать лет работаю председателем объединения «Светлый путь». Начинали на голом месте, а сейчас — смотрите сами...

Наша машина шла по полям и угодьям объединения, всюду чувствовалась добрая хозяйская забота и изобилие.

— Вы, наверное, заметили: на вершине Тайхара нарисован красками соембо,— сказал Минчжур.— Легенды о Тайхаре и соембо очень близки. Советский народ, как Билэгт-богатырь, помог нам во всем и своей правдой и своей мощью. А мы старались исполнять заветы, начертанные на соембо: быть бдительными, как рыбы, которые не смыкают никогда глаз, крепить наше государство, быть твердыми к врагам, верными и добродушными с друзьями. Наши государства, наши народы — братья, весь свой путь идут рука об руку.

Глаза у Минчжура серо-голубые, молодо светятся.

Он задумчиво произносит:

— Прав народ, когда говорит: «Имеешь друзей — широк, как степь, не имеешь — узок, как ладонь».

СИНИЕ ГЛАЗА ДОЛИНЫ ОРХОНА

Высоко в небе плывут облака, по степи скользят тигровые тени. Ветер гонит волны трав, а на их гребнях вспыхивают синие, бирюзовые, голубые самоцветы. Густой, пряный воздух окутал землю. В мареве тают пологие холмы, курчавые от отар, сиреневые хребты гор и башни-субурганы древнего монастыря. Среди седых отмелей бежит река. Тишина.

Долина Орхона. Здесь семь веков назад был основан древний город Каракорум.

«Каракорум — город царственный»,— пишет итальянец Плано Карпини, посетивший его в 1246 году. Он описывает пестрые кварталы, храмы и дворцы.

«Дворец хана большой»,— вторит ему фламандец Гильом де Рубрук. Тщательно живописует он архитектуру этого громадного здания, величественные шестьдесят четыре колонны фасада, великолепные интерьеры. Особенно подробно рассказывает о чудесном дереве, созданном искусным мастером из серебра.

Диво-дерево, у корней которого сидят четыре серебряных льва, изрыгающих белое кобылье молоко. Четыре золотые змеи обвивают дерево до самой верхушки; из их пастей в чаши льется вино, каракосмос (очищенный кумыс), бал (напиток из меда) и рисовое пиво — террацин.

Де Рубрук восторженно описывает золотого ангела, который с вершины дерева трубит в серебряную трубу, и как по его сигналу из

А. Сэнгэцохио. ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ.

Ц. Минжур. ПЕРЕКОЧЕВКА.

Ш. Шагдар. ТАБУН.

О. Мягмар. НОВЫЕ ДОМА.

пасти змей льются напитки в драгоценные чаши, и как расторопные слуги разносят гостям хана яства, вина и сладости.

Де Рубрук все это излагал в письмах к своему хозяину Людовику Святому, коим он был послан ко двору Мункэ-хана со специальным заданием. Поэтому тщетно мы будем искать в его депешах правдивый рассказ о трудной жизни простого люда. Ведь даже великий странник Марко Поло, оставив нам многочисленные записи о сказочной роскоши монгольских владык и подробные реестры их победных походов, не удосужился обмолвиться о тех лишениях и страданиях, которые выпадали на долю народа Монголии.

...Цветут невиданные фиолетовые ромашки, горько пахнет полынь. Одиноко кружит коршун над пустынными холмами, над древней каменной черепахой, над руинами некогда сказочно прекрасного города. Мы бродим по кургану, под ногами хрустят черепки с глазурью всех цветов, оплавленные огнем пожарищ. Здесь был Каракорум.

Много-много всякого повидала гранитная черепаха, поставленная семь веков тому назад охранять покой древнего города. Не один десяток «повелителей Вселенной» промелькнул перед ее мудрым взором. Она видела расцвет Каракорума, она не забыла и весну 1380 года, когда войска Минской династии ворвались в город и предали его огню и мечу. Но все прошло, и сегодня на каменной спине черепахи камешки, ленточки, мелкие монетки — знаки признательности, доброты и... суеверия. Не удержался и я, принес свою скромную лепту...

Похрустывают под ногами разноцветные осколки некогда прекрасных творений мастеров. На каменных плитах руин ханского дворца разбросаны обломки когда-то величественных колонн. Вечереет. Лучи солнца покрасили в розовый цвет белые стены старинного монастыря Эрдэни-Цзу, расположенного рядом с развалинами городища.

О ЧЕМ ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛЬЧИКИ ЭРДЭНИ-ЦЗУ

Эрдэни-Цзу. Монастырь-музей. Обширный двор, поросший травой. В ряд стоят у входа древние каменные стелы с высеченными письменами и причудливые скульптуры. Мы подходим к большой гранитной собаке, она сильно побита. Вот короткая легенда. Когда-то в монастырь ворвались маньчжуры. Была ночь, и все спали. Тогда свершилось чудо... Залаяла каменная собака. Правда, верный страж пострадал. Но что делать...

Легенда!.. Но чем больше мы ездим по Монголии и чем больше видим страну, природу, людей, тем все больше я проникаюсь мыслью, что поистине это земля живых легенд и свершившихся чудес.

Вечерняя заря позолотила крыши храмов. Косые лучи солнца особо рельефно подчеркнули ажурную архитектуру монастыря, крылатые, многократно повторяющиеся крыши, тонкую орнаментацию и изящество силуэта ансамбля, построенного четыре века тому назад.

Со скрипом растворяются тяжелые двери храмов. Нас обступают грозные стражи, златоликие боги — бурханы. Древние гигантские изображения Будды. Воздух напоен благовонием и курениями. В храме сумрак, лишь тускло поблескивает золото. И вот тут, в полумраке, в полной тишине ветер впервые донес до слуха мелодичное звучание колокольчиков, сперва одного, с голосом тонким и печальным, затем другого, с голосом погуще и помажорней. Трудно передать словами то странное ощущение отрешенности и какой-то вневременности, которое охватило меня в эти минуты. На миг я оказался совсем в другом веке... Но тут наш гид поднес к губам большую раковину, и вдруг раздался ревущий стон. Очарование тишины и мелодии времени исчезло. Нам потом демонстрировали громоподобные кованые гонги с глубоким гортанным звуком и разные сорта ручных колокольчиков, которыми пользуются ламы во время своих молитв, но все это уже воспринималось как нечто обычное, земное и даже виденное и слы-
[redacted]

Мы снова вышли на просторный двор. Огромный шар солнца близился к горизонту, его багровые лучи создали неповторимый эффект. Субурганы, как горящие свечи, пламенели на фоне густого вечернего неба. И тут, присмотревшись к одной из башенок, я оторопел. В самом ее центре я разглядел обрамленный короной-орнаментом соембо. Да, соембо, знак, который изображен на государственном флаге Монголии. Я невольно посмотрел на соседний субурган, на другой, третий. На каждом из них был знак соембо.

Соембо — и монастырские башни. Я ничего не понимал. Но вскоре сама жизнь развеяла мое недоумение.

Быстро темнело. Густые багровые тона померкли, подул резкий, холодный ветер, и снова я услышал звуки колокольчиков, висящих на крышах храмов. Их голос стал резок, требователен. Их было много, это были голоса старого, ушедшего времени...

[redacted]

Хархорин отделяют от святых мест считанные метры, словом, он почти рядом. Но между ними пропасть, равная векам.

Хархорин — это белоснежный городок с прямыми улицами. Он очень молод, ему нет и пятнадцати лет.

Мимо нас проскакал малыш в красной ковбойке на коне удивительно розовой масти с серыми яблоками. В руках у мальчишки развевалась, как стяг, желтая капроновая авоська.

Монгол и конь с самых малых лет неразлучны, и никакая автомобилизация и ухищрения XX века пока не нарушили эту дружбу. Мне довелось увидеть, как в одной компании молодой человек в вечернем костюме вдруг исчез, а вскоре появился на огнедышащем вороном жеребце и, ловко соскочив с него, пригласил покататься верхом одну из дам. Надо было видеть его лихую, чуть заваленную посадку, чтобы залюбоваться им. Но женщина была не монголка, она боялась коня, и наш герой, посадив ее в седло, поводил под уздцы коня и потом так же внезапно умчался.

Но вернемся в Хархорин.

На деревянной ограде белого домика степенно и горделиво восседает с десяток коричневых и мрачных коршунов. Вот один из них взмывает в небо и плавно кружит в высоком прозрачном небе.

Молодой монгол, тонкий, как лоза, в черном дэли, опоясанный оранжевым бусом-поясом, важно катит перед собою новую детскую коляску. Его лицо, строгое, почти иконописное, светится счастьем.

Дети. Их очень много в юном Хархорине. Идут гуськом десятка три малышей, их опекает девушка с высокой прической, в коричневой болонье. Это детский садик госхоза. Пока папы и мамы заняты делом, за детишками нужен присмотр.

Недалеко от знакомого нам Эрдэни-Цзу стоит большой дом с фасадом, украшенным четырьмя белыми колоннами,— клуб госхоза «Хархорин». К сожалению, парадный вход оказался закрыт, и мы обошли здание кругом и попали в библиотеку. За маленьким столиком сидела библиотекарь, а рядом с ней стояла стройная девушка с пышными волосами, повязанными золотистым платком, в модном серо-голубом плаще, у нее тонкое смуглое лицо, в руках темные очки. Она выбирала книжки. Мой друг Тумэнжаргал произносит традиционное «Сайн байну», я, как умею, вторю ему. Девушки улыбаются и просят нас присесть.

Я спрашиваю у читательницы, что она любит читать, и у нас завязывается беседа.

— Меня зовут Цэрэнбалжид,— представляется она.— Я заведую яслями госхоза «Хархорин» уже три года. У нас сейчас семьдесят детишек. Это дети пастухов, комбайнеров, трактористов, доярок. Я очень люблю читать. Еще в школе, а позже в медтехникуме моим верным другом были книги. Они учат меня любить жизнь, людей, мою работу. Я очень люблю поэзию Пушкина, Лермонтова, Блока. Мне близок образ Татьяны, ее прекрасная душа.

Я работаю на первый взгляд на очень спокойном «фронте». Меня окружают милые детишки, но я тоже принимаю участие в борьбе за счастливое будущее моего народа. А как говорят, «капля — к морю добавка».— Тут девушка смущенно улыбнулась и поправила прозрачный нейлоновый шарфик. Вдруг ее лицо стало серьезным.

— Читая газеты, книги, журналы о войне, о страшной трагедии людей, еще сильнее ненавидишь войну. Мы все собираем средства в фонд помощи Вьетнаму, мы все ненавидим агрессоров и войну. Наши дети должны жить в мирном, светлом завтра...

Я решил спросить у нее, как она относится к соседству Эрдэни-Цзу, как она понимает знак соембо и почему этот знак на субурганах монастыря.

— Ламы закрывали глаза народу,— проговорила она,— но сейчас и монастыри и ламы стали историей. Сейчас свет, знания пришли в каждый дом арата. Раньше женщина в Монголии была темна и забита. Моя бабушка Цевельма была неграмотна, пасла скот у богача, она не могла учиться, а на нашем курсе в улан-баторском медтехникуме из 34 студентов всего 8 было юношей, остальные — девушки.

Вы говорите: соембо и субурганы. Я вам вот что скажу: раньше были «цаган ясун» (белая кость) и с ними все феодалы, богатеи и ламы, с одной стороны, и «хара хумун» — черный люд — араты, трудящиеся,— с другой. Так вот, раньше соембо был в двух руках — феодалов и лам, а сейчас соембо на знамени народа, и древко этого знамени держат тысячи тысяч рук. У соембо теперь настоящий хозяин — народ.

СОЛНЦЕ НАВСЕГДА

Душно в степи. Дымятся пепельные тучи, клубятся, чернеют и вот уже загородили небо. Потемнело. И вдруг неоткуда ударил ледяной ветер, и через мгновение загрохотал гром, увитый лиловыми молниями. Один обвал грохота следовал за другим. Небо черной кошмой повисло над головами. И внезапно, как в сказке, в темень грозы вонзился золотой луч солнца. Он разрезал, искромсал облака, и в рваные окна хлынула синева. Гроза уходила.

Мы сидим в юрте чабана Нямдоржа. Через тоно — отверстие вверху — льется яркий свет, освещая большое помещение, в котором яблоку негде упасть — столько в юрте ребят. Шутка ли, ведь у хозяина тринадцать детей!

— Раньше было вроде все то же — и небо и трава, только стада были чужие...— рассказывает чабан.— Наше объединение называется «Мир»,— говорит, улыбаясь, Нямдорж.— Это — очень дорогое всем слово. Народам не нужна война.

— Можно мне сказать? — вступает в разговор хозяйка Лхамсурэн.— У нас рядом протекает целебный источник Хужирт, который исцелил тысячи людей. Вот такой целебной для всех нас, простых аратов, оказалась наша народная власть, большое ей спасибо. Разве когда-либо я мечтала, чтобы все мои дети были обеспечены и учились?

Мать моя бегала босая, пасла чужие стада. Мои старшие дети работают в объединении, а младшие ходят в школу. В моей юрте живет счастье, потому что раньше в это тоно — и она показала на ясное небо, видное в широкое окно в потолке юрты,— мы чаще видели серое небо невзгод и непогоды, а сейчас к нам пришло солнце навсегда, и мы это солнце не отдадим никому.

Льется свет через тоно, солнечные зайчики отражаются в белом кумысе, поблескивают на белых зубах веселых малышей, сверкают в глазах счастливых людей...

Главная площадь государства, площадь Сухэ-Батора. Вот конная скульптура народного героя, вот мавзолей, вот Дом правительства со строгой колоннадой. В ярком синем небе вьется ало-голубой флаг Монгольской Народной Республики, на кумаче стяга — золотой соембо, а вверху над соембо — пятиконечная з о л о т а я з в е з д а, з н а к у с п е х а, п о б е д ы.

Ч. ЛОДОЙДАМБА

Рисунок С. БРОДСКОГО.

Встреча с Сухэ-Б

Бато разбудила незнакомая, странная музыка. Он открыл глаза. Жаргал еще спал. Бато растолкал товарища, и они вместе вышли из-под моста. Музыка стала слышаться явственнее.

Вдали на улице появились кавалеристы. Впереди на лошадях ехали музыканты. На улице стал появляться народ. Бато и Жаргал пошли узнать, что там происходит. Они вышли на площадь. Здесь им навстречу стройными рядами двигались вооруженные всадники. Жители уже выстроились по обеим сторонам улицы и с интересом наблюдали за происходящим. У каждого всадника за спиной было ружье, а на боку висела сабля. Значит, это идет войско, хоть далы у них разноцветные, а кони разномастные. Впереди на одинаковых серых конях ехали знаменосцы. У одного в руках было красное знамя, у другого — желтое. Знамена величественно развевались под дуновением ветра. Ургу[1] занимала Народно-ополченческая армия. Горожане, стоявшие по обеим сторонам улицы, заметив в колонне своих знакомых, радостно их приветствовали по имени. Бойцы тоже искали среди встречающих своих знакомых и, найдя их, приветственно поднимали руки.

На загорелых и обветренных лицах бойцов светилась и радость и гордость — они освободили свою столицу от чужеземных захватчиков.

Утреннее летнее солнце щедро освещало землю, в небе стояла густая синева, и все казалось в Урге праздничным и нарядным.

А еще год назад Сухэ-Батор покидал встревоженную столицу, не зная, вернется ли сюда или нет. Тогда он держал путь на север, неся в своем сердце великую цель спасения своего народа от мук и страданий. И чем больше он думал сейчас о том тяжелом и суровом времени, тем явственнее вставало перед ним величие победы. Тогда оккупированная Урга жила в тревоге и молчании, теперь она счастливо смеялась.

И все же, покидая год тому назад столицу, Сухэ-Батор верил, что вернется сюда с победой, ждал этого радостного дня и бился за него не на жизнь, а на смерть. И вот этот день пришел, а полной победы еще нет. Правда, ураган, пронесшийся над страной, утих, черные тучи умчались.

Сухэ-Батор улыбнулся. Он вспомнил, как брил голову, когда стал создавать партизанскую армию, готовясь к смертельной борьбе. Пожилой цирюльник брил его перочинным ножом.

— Хорошие волосы, густые, и ни одного седого, совсем как у молодого человека,— говорил полковой брадобрей.

В следующий раз его брили на другой день после взятия Кяхты. Теперь на висках у него белела седина. Но он был счастлив. Прямо после боя помчался на телеграф и приказал объявить всему миру следующие слова: «Монголия добилась независимости. Новая Монголия желает установить со всеми странами дружественные отношения».

Он даже прослезился, и ординарец, державший коня, беспокойно спросил:

— Вам что-то в глаза попало?

— Попало,— улыбаясь, ответил Сухэ-Батор.— Радость!— Потом, поднявшись на сопку, он долго смотрел в сторону Урги.— Ну вот,— как бы отвечая самому себе, сказал Сухэ-Батор,— мы открыли в юрте тоно[2], пришло время заняться устройством дома.

Однако, кроме Советской России, новую Монголию ни одно государство не признало, а это значит, ей будут препятствовать во всем. Нет, далеко прятать маузер не стоит.

Сухэ-Батор был простым воином. Теперь волею судьбы он становился руководителем государства, и сразу же перед ним встали сотни нерешенных вопросов. И самым сложным вопросом был вопрос об отношении к Богдо. Этот светский и духовный правитель Монголии якшался и с гаминами[3] и с Унгерном. Он причинил Монголии столько страданий, что их и не счесть. Его, конечно, следовало бы уничтожить. Однако этого пройдоху и изменника нельзя было сразу трогать. Еще вчера его гонец, встретив армию в Хойя-Бургалтае, преподнес Сухэ-Батору дорогой хадак[4]. Сухэ-Батор, конечно, знал, что гонец этот был от побежденного и растерявшегося правителя, который льстил победителю, но он знал и другое: народ еще чтит этого «божественного» старца,— и гонец был принят с подобающими почестями. Так что с Богдо надо было пока ладить. Ведь даже к гонцу Богдо местные араты валили толпами, чтобы получить от него благословение и преподнести подарки для «святого» старца.

Слух о том, что Сухэ-Батору сам Богдо прислал подарок с благопожеланием и что его гонец встретил Народно-ополченческую армию далеко от Урги, распространился мгновенно. Это было на руку новой, народной власти. И когда Сухэ-Батор зачитал своим войскам послание Богдо, многие в молитве упали ниц и отовсюду неслись крики «Да живет вечно наш святой Богдо Жавзандамба!» Нет, Богдо был врагом посильнее, чем гамины и барон Унгерн. Его власть силой оружия не свергнуть. Если гамины и Унгерн были клещами, присосавшимися к телу Монголии, и их можно было оторвать и раздавить, то Богдо и желтую религию[5] можно было сравнить с нагноившимся фурункулом. С ним сразу не сладишь, тут нужна тщательная операция.

Такие мысли занимали Сухэ-Батора, когда во главе своих войск он въезжал в Ургу.

Но вот монгольская кавалерия прошла, за ней загарцевали эскадроны русских конников. Русские войска пришли в Монголию по просьбе Временного народного правительства. Сухэ-Батор понимал, что одним монголам будет трудно справиться с хорошо вооруженным врагом. И хотя войска барона Унгерна были разбиты, борьба еще продолжалась.

Желтые медные трубы, в которые трубили первые четыре всадника, сидевшие на одинаковой масти конях во главе колонны русских, ярко сверкали на солнце. Увидев русских, Бато испугался. Он сразу вспомнил белогвардейцев.

— Это ведь белые, бежим отсюда,— шепотом сказал он Жаргалу.

Но Жаргал был весь поглощен невиданным зрелищем и не слышал, что говорил ему Бато.

— Бежим отсюда, а то...— Бато не договорил. Он так и впился глазами в широкоплечего всадника, ехавшего в первом ряду, за музыкантами. И вдруг Бато что есть мочи крикнул:

— Дядя Петр!

Всадник обернулся на крик, и Бато снова закричал:

— Дядя Петр!

Тогда всадник направил коня в сторону Бато и выехал из строя.

Жаргал испугался: что этому русскому надо? И попятился назад. Толпа тоже в недоумении сдала назад, давая всаднику дорогу. Бато оказался в одиночестве.

Петр спрыгнул с коня.

— А я тебя, сынок, сразу узнал,— сказал он, обнимая и целуя юношу.

Бато был несказанно рад, встретив человека, известного ему с детства, напомнившего о счастливых днях, когда он жил с отцом и матерью. Бато заплакал.

— А где же мать?— спросил Петр и посмотрел вокруг, ища Долгор в толпе.

А толпа меж тем придвинулась к ним, видя, что русский тепло здоровается с монгольским юношей.

— Я не знаю, где сейчас мама,— ответил Бато на вопрос Петра.— В Урге я один, ищу отца.

— Где же ты живешь?

— Где придется,— ответил Бато и опустил глаза.

— Тогда вот что: идем-ка со мной, да и друга своего прихвати. А пока погрызи-ка сухарик. По глазам чую, что тебе хочется есть.

С этими словами Петр достал из сумы несколько сухарей и большой кусок сахару от сахарной головы. Сахар он расколол на несколько кусочков тупым концом шашки.

Из романа известного монгольского писателя Ч. Лодойдамбы «Прозрачный Тамир».

[1] Урга — старое название Улан-Батора.

[2] Тоно — верхнее отверстие в юрте, через которое выходит дым и проникает свет.

[3] Гамины — солдаты китайских милитаристов.

[4] Хадак — сложенная узкая шелковая ткань, которую преподносят в знак дружбы.

[5] Желтая религия — ламаизм.

АТОРОМ

Бато подозвал Жаргала, стоявшего в стороне, и поделился с ним сухарями и сахаром. К ним подошли еще несколько ребят. Петр и им дал по куску.

— А кажется, и вправду эти красные — хорошие люди,— громко сказал один седой монгол.

— Красная Россия — ваш друг, теперь она всегда будет на вашей стороне,— ответил, улыбаясь, Петр.

— Так ведь и гамины и Унгерн говорили, что они наши «друзья» Надо еще посмотреть, какие вы будете!— крикнул кто-то из толпы.

— Посмотри, посмотри,— ответил Петр и, обращаясь к Бато, сказал:— Ну, ребята, пошли догонять отряд

После их ухода в толпе стали судачить.

— Говорят, что красная Россия — нищая страна. Этот военный увел двух ребят, не иначе сожрут они их,— сказал невысокий полный человек в коричневом шелковом дэле.

— Ну, тогда бы они тебя увели: ты пожирнее.

В [illegible]

— Что там ни говори, а красная Россия — бедная страна,— упрямо твердил [illegible]

— Бедные охотнее помогают друг другу.

Петр рассказал Бато об отце. Эрдэнэ находился сейчас в составе особых частей на северо-западе страны. Эти части должны были ликвидировать остатки белогвардейских банд.

— Скоро увидишь отца,— заключил Петр.— А пока будешь жить со мной и твой приятель тоже

Части, с которыми прибыл Петр, стали лагерем в долине Улясутая Бато и Жаргал жили в палатке с Петром. По ходатайству Петра им выдали полное обмундирование: шинели, сапоги, фуражки, брюки и гимнастерки. Шинели были им не по размеру — большие, и ребят можно было сразу отличить от других бойцов. Окрестные араты, к которым Бато и Жаргал заходили, прозвали их «полковыми сынками»

Как-то, бродя по окрестностям, они зашли в одну юрту. Хозяйка угостила их свежей простоквашей. Они с удовольствием поели кисловатую студенистую массу. И тут на Жаргала нашло: он стал безбожно нести всякие небылицы и про себя и про Бато.

— Знаешь, хозяйка, я самого барона Унгерна подстрелил из ружья,— хвастливо заявил Жаргал.

Бато терпеть не мог вранья. Не выдержав, он ткнул Жаргала кулаком в бок. Но тот не унимался

— А мой друг Бато — лучший рубака в полку. Уж если он взмахнет шашкой, чья-нибудь голова обязательно скатится с плеч Вот он какой!

— Здóрово! Где же это он научился так рубить?— раздался вдруг в юрте мужской голос

Бато и Жаргал одновременно обернулись. Позади них с кровати встал высокого роста монгол. Лицо его расплылось в улыбке.

— Гляди,— прошептал Бато,— ведь это он ехал впереди войск на кауром коне. Помнишь?

Действительно, это был Сухэ-Батор.

Жаргал почесал затылок.

— Ну, вы, рубаки, из каких же краев вы сюда забрались?— не переставая улыбаться, спросил Сухэ-Батор и внимательно оглядел ребят в их мешковатых шинелях, огромных сапогах и фуражках.

И Жаргал и Бато, потупив головы, мол-[illegible]

— Тогда расскажи, где это ты подстрелил самого барона Унгерна?

Бато, толкнув Жаргала в бок, шепнул:

— Пойдем!

— Куда же вы? Подождите! Мне очень хочется узнать, где это вы воевали?

Но ребята молчали.

Видя, что на эту тему они разговаривать не будут, Сухэ-Батор спросил.

— Ну, тогда скажите, где вы обитаете и чем занимаетесь.

— Они из русской армии,— ответила вместо ребят хозяйка юрты

— Как вы туда попали?— обращаясь к Бато, ласково спросил Сухэ-Батор.

И тогда Бато, не поднимая глаз, рассказал о своих несчастьях.

— А-а, комиссар Петр мне рассказывал о тебе. Так это ты сын Эрдэнэ? Вот я расскажу отцу, какой ты рубака.— Сухэ-Батор опять улыбнулся, показывая большие белые зубы.

Бато готов был провалиться сквозь землю. «А ведь все этот Жаргал, ну, ничего, вот только выйдем отсюда, я ему покажу, как он стреляет»,— думал Бато. А Жаргал смущенно молчал, шмыгая носом.

— Ну, ладно, посмеялись — и хватит,— сказал Сухэ-Батор.— А батька твой жив и здоров. Он не на словах, а на деле сражается с белогвардейцами.

— А где он сейчас?

— В районе Ханд-Чиншанского монастыря. Что, соскучился по отцу?

— Очень,— тихо ответил Бато.

— Да, по отцу всегда скучаешь,— как бы самому себе сказал Сухэ-Батор и задумался. Он вспомнил своего покойного отца

Это было два года назад. Сухэ-Батор отправлялся в далекий путь — он ехал в Советскую Россию. Отец его и тогда был тяжело болен, но Сухэ-Батор не мог остаться. Великое дело освобождения родины требовало, чтобы он ехал. И отец благословил его, надеясь, что еще увидит своего отважного сына. Однако не увидел Еще до возвращения Сухэ-Батора на родину болезнь свела его в могилу. В этот же айл Сухэ-Батор приехал потому, что хозяин айла дружил с его отцом и ему было приятно иногда бывать здесь.

В юрте стало тихо. Ни Жаргал, ни Бато не решались прерывать наступившего мол-[illegible]

Ничего, сынок, вот разобьем врага, и приедет твой отец со славой домой,— наконец прервал молчание Сухэ-Батор.

— Мне еще и маму надо найти,— робко сказал Бато и вздохнул.

— Дай срок, найдем и маму.

Ласковый тон, уверенность в словах, дружеское участие главкома заронили в душу Бато надежду.

Тут на очаге вскипело молоко. Сухэ-Батор сам снял котелок и поставил его на стол. Хозяйка принесла крынку простокваши. Сухэ-Батор наполнял пиалу.

— Присаживайтесь рядом,— сказал он, обращаясь к ребятам.— Говорят, простокваша придает силу.

— Мы уже ели,— тихо ответил Бато.

Через несколько минут Сухэ-Батор подпоясался и стал прощаться.

— А вы не зачислите нас в свою армию?— неожиданно решился спросить главкома Жаргал.

— Все-таки хочешь научиться рубить? Нет, ребятки, для вас скоро дело найдется поважнее, чем стрельба или рубка. Вы должны учиться, получить образование. И

ты и Бато. Мы вот скоро создадим такое учебное заведение, после окончания которого молодые люди сами будут учить других. Вот в такое заведение вы и поступите. Мне уже говорил об этом комиссар Петр.

— Что, сынок, уезжаешь? — спросил вошедший в юрту хозяин, обращаясь к Сухэ-Батору.

— Да, если выберу время, приеду на той неделе.

На дворе он вскочил на коня, приветственно помахал рукой вышедшим из юрты ребятам и хозяевам и вскоре скрылся из виду. Ребята тоже попрощались с гостеприимными хозяевами. По дороге в лагерь Бато не переставал укорять товарища.

— Ну и брехун ты! На свете такого не [redacted]!

— Да кто же знал, что в юрте отдыхает сам главком? Мы его и не заметили. А ведь это я для старушки все говорил.

Придя в лагерь, Бато рассказал Петру о встрече с Сухэ-Батором, не умолчал он и о вранье Жаргала. Петр смеялся.

— Я уже говорил о вас главкому, — сказал Петр. — Вы обязательно идите учиться. Новой Монголии нужно много образованных людей...

А через несколько дней ребята уже уезжали учиться. Им выдали новые шинели, брюки, гимнастерки и сапоги.

— Ого! — радостно воскликнул Жаргал. — Там наверняка ни у кого не будет такого обмундирования. Нам все завидовать будут.

И вот они уже на подводе, которая везет их в город. Петр верхом на коне будет их провожать до места. Бато загрустил. Он привык к лагерю, к Петру, к солдатам, и расставаться не хотелось.

Подвода тронулась с места. Щедрое летнее солнце без устали посылало на землю свои горячие лучи. И то ли от зноя, то ли от мерного покачивания и негромкого стука колес пришла усталость, а с нею и дремота.

Наконец Бато встретился с отцом! Эрдэнэ приехал вместе с Петром. Эрдэнэ был в старом синем дэле, в белой мерлушковой папахе, на одном боку у него висел маузер в деревянной кобуре, на другом — шашка в черных ножнах. Увидев отца, Бато растерялся: он не знал, что ему делать. Эрдэнэ поцеловал сына в обе щеки и ладонью вытер выступившие на глазах слезы. Он был немного смущен. Сына он представлял себе по-прежнему маленьким монастырским послушником, а перед ним стоял сейчас дюжий, красивый парень. И то он казался ему очень близким человеком, то каким-то малознакомым, будто и видел он его когда-то лишь однажды. И у Бато возникло это двойственное чувство.

Будто и отец стоял перед ним, тот самый отец, который несколько лет назад был самым родным ему человеком, и будто это был совсем другой человек, которого он немного дичился. Однако чем больше он смотрел на него, тем больше побеждало первое чувство. И Бато заплакал. Боже, сколько лет он ждал этой встречи! И наконец-то отец перед ним.

Плачут не только в горе, плачут и в минуты радости. Эрдэнэ и Бато плакали, но это были счастливые слезы. Они долго не могли сказать ни слова. Только стояли и смотрели друг на друга.

— Гляди, Эрдэнэ, сынок-то как подрос, видным юношей стал! — прервал Петр затянувшееся молчание.

Лицо Эрдэнэ засветилось гордостью.

— Уже мужчиной, — как-то тихо проговорил он, и в его тоне послышалась не то грусть, не то сожаление. Он еще долго смотрел в лицо сыну, а потом тихо спросил:

— О матери ничего не слышал?

— Нет.

— И я ничего не знаю.

— Ладно, найдем Долгор, не горюйте, — успокоил их Петр, и от этих участливых слов и у Эрдэнэ и у Бато стало легче на сердце.

Перевел с монгольского
А. Р. Ринчинэ.

С. ДАШДООРОВ

[redacted]

Когда, на отцовских могучих плечах
примостившись, ходил я в гости,
мне казалось, что звезды в зеленых лучах
только тронь — и посыплются в горсти.
Мне казалось, что небо над горной рекой
низко-низко — подать рукой.
Может быть, это был обман?
Может быть, это был туман?
Нет, неправда!
Я помню, я помню
этот вечер и ветер горный:
на плечах тридцати пяти лет
я впервые оставил на небе свой след.
Тогда мой отец, добродушно ворча,
носил меня в гости на крепких плечах.
Я рос год от года.
Луна улыбалась,
катаясь на санках по старенькой крыше
А небо, а небо в весеннюю роздымь
все выше над крышей,
[redacted]
поднималось,
как будто боялось
подарить мне веселые звезды.
Когда моя мать на спине меня
носила в гости
в разгаре дня,
опираясь о плечи нежные,
прикоснулся я к небу безбрежному
островерхим своим малахаем.
Солнце, рядом со мной полыхая,
звенело в ушах, будто бубен.
Только я не боялся его огня.
Мне подумалось (будь, что будет!),
если был бы отцовский аркан у меня,
заарканил его, как степного коня:
пусть на дедовском выгоне солнце
вместе с нашим-телком пасется!
Да, я помню, так было, так было:
солнце рядом со мной ходило,
на плечах тридцати годов
я до солнца достать был готов,
малахаем своим колючим
проколол я осенние тучи.
Тогда моя мать по осенней стерне
в гости носила меня на спине.
Годы минули.
Я подрастал.
Выше деда и матери стал.
Старый бык наш один пасется.
А над новою нашей крышей
голубое небо все выше и выше
поднималось,
как будто боялось:
вдруг как я заарканю солнце,
чтобы было темным-темно...
Ах, как все это было давно...

Перевел с монгольского
[redacted]

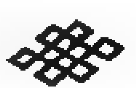

Лодонгийн ТУДЭВ

СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Ему все сердце я отдать готов,
Всю силу чувств, и мыслей, и стремлений
За гулкий гром его больших шагов,
За то, что им рожден великий Ленин,
За то, что избавление принес
Он миру горя, рабства и страданья,
За то, что первым в бездну мирозданья
Свой проложил тысячеверстный мост,
За то, что счастье бросил он на чашу
Весов истории: свет перевесил тьму.
Весь жар души я отдаю ему.
Наш путь один. Дороги слиты наши.

Перевел с монгольского Яков Белинский.

Д. ТАРВА

[redacted]

Глаголом наполняя пустоту,
пою тебя, весна — пора цветенья,
хоть все четыре времени в году
не меньшего достойны восхваленья:

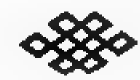
нагая щедрость летнего луча,
иль золотые ливни листопада,
или зима, что, в окна к нам стуча,
засыпать землю белым снегом рада.

И вот, не нарушая свой черед
и покоряясь вечному уставу,
за летом осень тихая идет,
за осенью зима спешит по праву.

Нам недосуг местами их менять,
они между собою непохожи.
И только в сердце у меня опять
давнишний страх
огнем тревожным ожил:

я так боюсь, Поэзия, что ты
зимой замерзнешь, иль увянешь летом,
иль осенью, когда летят листы,
сорвавшись с ними, ты исчезнешь где-то.

Пусть для тебя не будет перемен.
Ты неподвластна суете и тленью.
И пусть всегда в зеленый звонкий плен
тебя берет весна — пора цветенья.

Перевела с монгольского
Т. Кузовлева.

Кино

Монгольский ученый-историк, президент АН МНР Базарын Ширэндыб вместе с советским кинодраматургом Юлианом Семеновым написал увлекательную киноповесть.

Есаул царской армии, остзейский барон Унгерн — в фильме эту роль играет заслуженный артист Латвийской ССР Александр Лемберг,— лелеет мечту стать «желтым правителем Монголии» — этаким азиатским Наполеоном. Он ведет хитрую игру с духовенством, правительством и народом и даже принял буддийскую веру!.. Всячески старается Унгерн втереться в доверие к монголам, объявив себя их спасителем от иноземного ига. На связь с Унгерном из Парижа едет в Харбин посланник Антанты полковник Лорс-Сомов. В ставке Унгерна он должен организовать совместное выступление контрреволюционных сил Востока и Запада против Советской власти. ЧК перехватывает Лорса-Сомова; под его именем в ставке Унгерна действует советский разведчик Прохоров; в этой роли зрители видят артиста Владимира Заманского.

Случай сталкивает Прохорова с аратом Мунко; этого хорошего, славного человека играет артист Л. Яхасурен. Жестоко обманут, обижен Мунко: враги сожгли у него дом, увезли невесту... Между Прохоровым и Мунко возникает настоящая мужская дружба. Благодаря Мунко Прохоров выведывает планы Унгерна и предотвращает покушение на С[illegible]Батора...

— Я очень люблю приключенческий жанр,— рассказывал мне один из режиссеров фильма, Анатолий Бобровский.— «Исход» уже в сценарии захватил меня остротой сюжета, где историческая правда сама по себе полна невероятно острых ситуаций. Кроме того, мне очень интересно было стать свидетелем и участником начала творческого пути молодого монгольского кинорежиссера Жамьянгийна Бунтара. Выпускник ВГИКа (мастерская С. А. Герасимова), он с первых же встреч заинтересовал меня страстным отношением к революционной истории своего народа. В процессе работы над «Исходом» — это был его диплом — молодой режиссер проявил большое профессиональное чутье.

Все натурные съемки мы проводили на месте событий — в бескрайних степях Монгольской Народной Республики. Причудливая архитектура старинных зданий, берега стремительных рек создавали ту атмосферу, в которой нам всем легко было обрести необходимое творческое настроение.

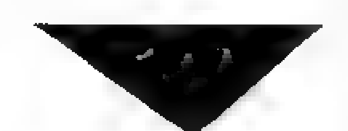
Конные атаки, бои, погони монгольские актеры вели блестяще! Природные наездники, с детства привыкшие к седлу, они легко выполняли самые трудные кинотрюки. Зато советским актерам пришлось изрядно поучиться. Но и они, увлеченные ролью, своим действием в фильме, тоже не жалели сил на тренировки. И, конечно, добивались успеха. Наш фильм увидят теперь зрители стран народной демократии. Сейчас он направляется на Кубу.

Н. ЗЫБИНА

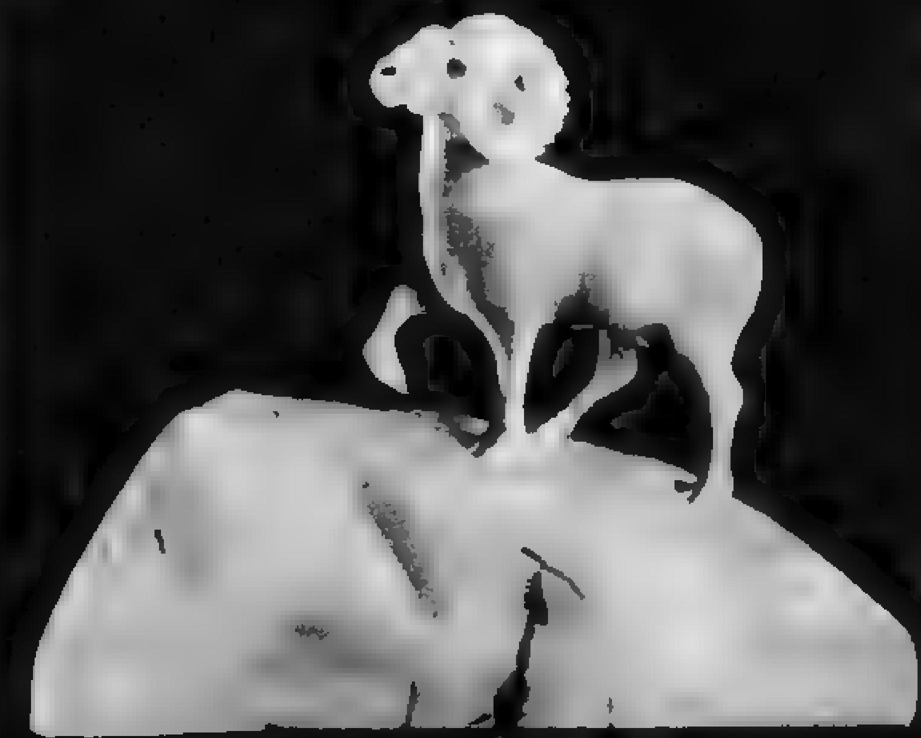
Чудесна природа Монголии! Но редкие животные — особенно желанная цель для нас, кинооператоров. Тысячи километров, сотни встреч с охотниками!.. Однако брать «интервью» у животных — дело не из легких. Тем не менее цветной документальный фильм о промысловых животных Монголии, который мы сейчас делаем, показывает, что при терпеливой работе можно не только отыскать редкие экземпляры животных, но и со всей страстью наблюдать за их интересной жизнью.

В нашей стране обитают и гобийский медведь мазалай, и кулан, и лошадь Пржевальского, и дикий баран-архар, и дикий козел, и дикий верблюд, и другие живые редкости планеты Земля!

О. УРТНАСАН, кинооператор

Горный баран. Резьба по слоновой кости. Мастер Сэнгэ.

Лоси. Резьба по слоновой кости. Мастер Дорджи.

Доярки. Резьба по слоновой кости. Мастер Дорджи.

Газета „Унэн" в гостях у „Огонька"

Монголия — страна контрастов. Жаркая Гоби соседствует здесь со стынущими под снегом отрогами Хингана. На смену плоским, будто утоптанным тысячелетиями и бесчисленными стадами плато встают причудливые, источенные ветрами и временем зубья скал. Струи воздуха превращаются в резец неутомимого скульптора — Природы. И это у нее учатся народные мастера Монголии. Нож мягко входит в желтоватую плоть слоновой кости, и в руках Дорджи и Сэнгэ, мастеров из художественной артели Улан-Батора, оживает лосиха — заботливая, нежная мать, склонившаяся к лосенку,— «Лоси». С вершины скалы глядит на простор круторогий «Горный баран». Послушно подставляет разбухшее вымя умелым рукам доярок широколобая корова... Животные, конечно, главная тема в творчестве народа, тысячи лет кочевавшего со стадами по родным просторам. И теперь случилось так, будто и сама природа заимствует у людей их любимую тему. Поглядите, как похожи послушные времени и ветрам деревья и скалы Монголии на фантастических, сказочных чудищ!

В ЗАЛАХ ВСЕГДА ЛЮДНО

В Улан-Баторе в годовщину исторической встречи монгольской делегации, возглавляемой Сухэ-Батором, с вождем революционного пролетариата В. И. Лениным, открылся новый музей. Во многом этот музей напоминает своего старшего собрата — Центральный музей Ленина в Москве. Здесь есть и макет рабочего кабинета Владимира Ильича, есть и уникальные экспонаты,— это подарки, врученные Ленину и от его имени монгольской делегации.

В залах всегда людно. За первые десять месяцев работы музей посетили около ста тысяч человек. Здесь можно встретить пастуха из далекой Гоби, охотника из Хубсугулья, чабана из Монгольского Алтая, горняка из Шарынгола, тракториста из Орхонской долины. Нередко видишь в залах музея ученого или писателя, склонившихся над копиями бессмертных рукописей, студентов и преподавателей университета. Многие часы проводят здесь артисты, которые работают над образом великого вождя.

«Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» — с этими мыслями покидают посетители музей.

НЕТ РАВНЫХ

Быстро растет семья промышленных предприятий Монгольской Народной Республики. Большое значение в Директивах XV съезда партии по четвертому пятилетнему плану придается развитию легкой и пищевой промышленности, имеющей важное значение для неуклонного подъема экономики страны. Например, общая мощность предприятий по переработке мяса к 1970 году должна возрасти более чем в четыре раза по сравнению с 1965 годом.

Уже вступила в строй первая очередь мясокомбината в Улан-Баторе. Это предприятие не знает себе равных во всей Азии. Сооружение его ведется при финансово-технической помощи ГДР. Участие в строительстве принимают и специалисты из Венгрии.

Первая очередь комбината способна переработать в год миллион двести тысяч овец, сто двадцать тысяч голов крупного рогатого скота и тридцать тысяч свиней. Четырнадцать полностью механизированных цехов, оснащенных автоматическими аппаратами непрерывного действия, выпускают мясо, высококачественные пищевой и технический жиры, гематоген и другую продукцию. В мощном холодильном цехе немало новинок техники, а труд полностью механизирован. Сотни тонн высококачественной продукции поставляет комбинат на прилавки городов и рабочих поселков, а также в братские социалистические страны.

МАСТЕРА ЭКСПЕРИМЕНТА

Живописна долина реки Хары! Двадцать лет назад здесь среди буйной зелени появились белые домики опытной станции Института растениеводства и земледелия. И сам институт и станция в Дзун-Харе были первыми научно-исследовательскими учреждениями в стране. Сегодня ученые успешно работают над решением важнейших проблем сельского хозяйства. Они заняты разработкой системы земледелия для различных зон страны, вопросами семеноводства и селекции, изучением кормовых трав, улучшением пастбищ. В институте выведены и внедрены в производство новые сорта ячменя и овса. Успешно ведутся работы над выведением приспособленных к местным условиям картофеля и овощей. В госхозах и сельскохозяйственных объединениях страны уже десятки тысяч гектаров засеваются пшеницей «орхон». Создали этот высокоурожайный сорт лауреаты Государственной премии МНР Х. Зундуйжавщан и М. Ульзий. Создание прочной кормовой базы для животноводства — новая задача, которую решает коллектив Института растениеводства и земледелия. Разработаны рецепты и технология изготовления кормовых брикетов из местного сырья, агротехника улучшения лугов и пастбищ.

Много и плодотворно работают сотрудники Халхингольской, Булганской и других станций. Коллектив Института растениеводства и земледелия Академии наук МНР имеет деловые контакты со многими научными учреждениями Советского Союза и других стран. Он принимает активное участие в разработке целого ряда тем по заданию Совета Экономической Взаимопомощи.

ИЗ ЛЕГЕНДЫ — В НАУКУ

Огромные пространства монгольских степей и пустынь хранят немало загадок минувшего. Колыбелью драконов называют палеонтологи пустыню Гоби. Ей мировая наука обязана выдающимися палеонтологическими находками. В музеях мира экспонируются найденные в Гоби гигантские кости и скелеты динозавров и других животных, обитавших на земле миллионы лет назад. Недавно монгольские ученые нашли в южных районах страны кладбище гигантов, обитавших здесь семьдесят миллионов лет назад. В Южной Гоби покоятся останки древних черепах. Найденная в сайре (в сухом русле реки) кость тарбозавра достигает восьми метров. Некоторые кости доисторических ящеров весят до семисот килограммов.

Многих исследователей волнуют тайны центральной азиатской пустыни. Некоторые ученые утверждают, что именно здесь миллионы лет назад впервые появилось мыслящее существо — человек. Здесь он впервые приручил лошадь, осла, верблюда. Да и теперь Гоби осталась единственным местом, где можно встретить диких сородичей этих животных. Вдруг пронесется по степи с большой скоростью стадо диких верблюдов. Или выйдет на альпийские луга осторожная тахи — лошадь Пржевальского. А тишину в пустыне разорвет рев кулана — дикого осла... В горах можно встретить красавцев аргали — диких баранов и грациозных янгиров — диких коз...

ДИВО ДИВНОЕ

История не очень милостиво обошлась с монгольской культурой. Но и в пожаре кровавых войн, во тьме нашествий колонизаторов, на дорогах трудных кочевий народ сохранил свое национальное искусство. Его как эстафету приняло молодое поколение после победы народной революции. Вот почему так любят молодые люди бывать в залах музея национальной культуры и в антирелигиозном музее. Здесь под стеклом — дивные по тонкости исполнения и силе изображения изделия из драгоценных металлов и камней, из бронзы и дерева, из меди и фарфора. Особенно распространена в Монголии резьба по дереву, кости, камню. Долгими зимними вечерами, сидя у очага, пастух с помощью ножа превращал кусок дерева в произведение искусства. Он резал посуду, сундуки, юртовые столбы, детские игрушки, шахматы, музыкальные инструменты. Украшал их замысловатыми орнаментами. Символика узоров-плетенок выражает различные благопожелания. У монголов насчитывается более тысячи различных орнаментов! Ими украшают юрту, мебель, посуду. Поражает отделка резьбой огромных храмов. Здесь нет ни одного сантиметра, которого бы не коснулось острое лезвие. Мифологические сюжеты переплетаются с реальными образами. Со всех сторон на посетителя устремляют свои взоры причудливые маски, чудовища, боги.

Любят монгольские резчики изображать в своих творениях героев народных легенд и сказок. В Дзабханском аймаке почти в каждой юрте можно увидеть небольшие деревянные скульптуры, изображающие единоборство человека с тигром. Это очень древняя резьба по мотивам легенды, рассказывающей о том, что монгольский князь Дугар-зайсан восстал против маньчжурских завоевателей, насаждавших в стране ламаизм. Он пошел войной против Лхасы. Тогда ламы послали против него бешеного тигра. Ударом кинжала князь убил свирепого хищника.

Известна целая плеяда замечательных резчиков, прославившихся своим искусством изготовления национальных монгольских шахмат-шатар. Они отличаются от известных нам не только правилами игры, но и фигурами. Король изображается в виде хана, ферзь — в виде льва, верблюд заменяет слона, телега — ладью, собаки — пешки, конь — целая скульптурная группа. Фигуры в различных наборах почти никогда не бывают похожи друг на друга. Каждый комплект шахмат — это целая галерея образов. Встречаются шахматы, которым насчитывается триста [illegible]

Современные монгольские резчики продолжают традиции старых мастеров. Революционная одухотворенность, новый взгляд на жизнь отражаются в поисках новых форм. Таково эпическое произведение одного из талантливых мастеров С. Сэнгэ «К коммунизму» (резьба по кости). В произведениях Намхайдагвы «Чрезмерная алчность превращается в дьявола» и «Кот — учитель мышей» ярко выраженная сатира доходит до гротеска.

Каждый монгольский мастер имеет свое творческое лицо. Часто трудно поверить, что такие совершенные произведения создаются не профессионалами, а художниками-любителями.

ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ

В прошлом году Монгольский государственный университет отметил свое двадцатипятилетие. Это первое в истории страны высшее учебное заведение было создано с помощью Советского Союза. Первые лекции были прочитаны в нем советскими профессорами и преподавателями С. И. Абакумовым, И. С. Кудряшовым, С. И. Хромовым, И. Б. Вейцманом, Н. Н. Ивановым, В. Н. Топольским, В. Н. Клюевой и другими. Открытие государственного университета явилось крупнейшим событием в жизни страны. К этому времени в Монголии была создана развитая сеть школ, почти ликвидирована неграмотность.

Университет выпустил более четырех тысяч специалистов для народного хозяйства. Среди профессоров и преподавателей много видных ученых, труды которых широко известны в научных кругах мира.

Университет поддерживает тесные контакты со многими зарубежными высшими учебными заведениями и научными центрами. Особенно тесная связь у него с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова.

Две тысячи студентов живут интересной жизнью. Среди них есть и студенты из Советского Союза, Германской Демократической Республики, Чехословакии, Народной Болгарии и других стран.

ТЕЛОГРЕЙКА ЛУУЗАНА

Николай ЗЫКОВ

ЗАМЕТКИ, НАПИСАННЫЕ В ЮРТАХ АРХАНГАЯ

УТРОМ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Обычно уже в конце длинной дороги, а то и дома, когда приводишь в порядок мысли, охватывают тебя порывы запоздалых ответных чувств, и ты рвешься назад, к местам и людям, которых не успел разглядеть достаточно хорошо, и собеседникам, которых не дослушал или которым сам не сказал чего-то важного, быть может, главного, и вот теперь надо бы досказать, но как?

В Монголии мы почти все время куда-то ехали. Нелегко, конечно, однако иначе и нельзя было бы за столь короткий срок — за две недели — ощутить огромную страну. И хотя, наверняка же есть другие способы узнавания той или иной страны, но Монголию, я уверен, вряд ли воспримешь так полно, оставаясь подолгу в читальном зале, в прекрасных музеях Улан-Батора, тем более, в номере вполне европейской гостиницы. По Монголии нужно только ехать! Вперед, каждый день вперед, отыскивая дорогу, сворачивая к дойным табунам, не отказываясь зайти в юрту, принимая тепло случайного ночлега, а зыбким утром снова устремляясь в путь... Все это у меня было. И лишь поэтому я навсегда сохраню несколько ярких впечатлений об этой в общем-то незнакомой мне стране. Не знание ее, нет, а только впечатления.

...На моих ботинках зеленая пыльца. В те дни отцветала в степи полынь, и пучок ее был постоянно с нами в «газике». И самый воздух и тугой ветер дорог — все в той двухнедельной автопереночевке было волнующе полынным. Так оно и осталось со мной, горьковатое и одновременно приторное дыхание долин или перевал, чисто внешнее восприятие страны. И хотя я знаю, что есть в Монголии страшные пустыни, разломы базальтовых скал и таежные распадки, есть уже и первые заводы и голубой асфальт автострад, я все-таки прежде всего вспоминаю пленительную горечь монгольского ветра и зеленый налет пыльцы отцветающей полыни.

А еще были юрты. Не одна, не две и не только, так сказать, заранее оговоренные. Юрта — гостиница в сомонном центре, юрта — дача, юрта — дом рабочей семьи. И нельзя не упомянуть обо всех них, пусть даже с налетом некоторого удивления, но непременно и с осознанным пониманием того, что монгольская юрта — ни в коем случае не примета уходящей экзотики, не признак отсталости или бедности, а всего-навсего национальная форма жилища, тот же дом, такой же, как изба на родине моего отца. В юрте прохладно в зной и тепло в стужу. Это проверено опытом веков. Она весьма, как нынче говорится, транспортабельна, что особенно важно, если твой быт связан с характером основного труда степняков, со всем образом жизни. Нынче юрта отапливается, в нее проведено электричество, в ней размещены модерновая — малогабаритная, на низких ножках — мебель и полукружья полок с книгами и радиоприемниками. Отличное жилье! А главное, в юрте я всегда чувствовал себя благодаря ее форме участником беседы за круглым столом! И хотя в ней твердо означено почетное место для гостя или для старшего, уважаемого человека, все в юрте сидят на равном удалении от источника тепла и света, от столика с яствами, и любая беседа идет на равных, в спорах слышны доводы каждого, а песня идет как бы по кругу.

Когда мы вернулись из поездки, на спидометре «газика» замерла цифирь — 75 697. А сколько же было записано перед стартом? Вот: 73 451. Из большей величины вычитаю меньшую — 2 246. Столько километров по степи, от суури к суури, то бишь от одного стойбища скотоводов к другому, от города к городу... В машину врывались ветры, краски медленных закатов, пыль и крики доверчивых птиц, протяжные песни и сдвоенные выстрелы по гусям. Это был Хангай, наиболее живописная часть нашей дороги, так сказать, Дорога первого знакомства. Ибо сказано: «Лучше родиться быком в Хангае, чем в Гоби человеком...» Но отличные люди живут, разумеется, и в глубине Великой пустыни. Просто мы так далеко не забирались, просто мы на первый раз проехали немногим более двух тысяч километров.

ТРЕТЬЯ НОЧЬ (ПЕРВАЯ В ДОРОГЕ)

В первый же день степь монгольская научила: у каждого свои дорога. У нас есть понятия пригорода, городской заставы или сельской околицы. С них обычно в России начинается большая дорога — столбовая. А в Монголии только-только выскочит машина в степь, и перед шофером разбегается сразу десяток дорожин — белые пряди по зеленому ковру. Каждый жгут расплетается на новые нити-дороги, те — на дочерние тропы, и я, человек, не знавший этого закона степи, сначала неизменно настораживался: куда же ехать, как угадать, ту ли, «нашу» ли, дорогу выбирает шофер? Вокруг ни указателей, ни милиционеров, и лишь изредка можно выскочить на ту самую первую прамагистраль — колею, вдоль которой когда-то все-таки поставили столбы, отсчитывающие километры. Но такой выбор дорог и стремление каждого ехать только по своей, неизвестно почему приглянувшейся вовсе не означает, что кто-то на одной из дорог заедет в тупик, упрется в скалу или в болото, кто-то запутает и вернется, незаметно для себя, туда, откуда ночь назад выехал (так было со мной однажды на целине, правда, за баранкой сидел новосел). Каждая степная колея, как бы она ни петляла, обязательно приводит к цели. В конце концов распущенная прядь дорог свивается, сплетается в тугой жгут по-степному широченной трассы, узел которой стягивается возле нового городка, или сомонного (районного) центра, или просто у двух-трех придорожных юрт. Конечно, можно с самого выезда ехать за кем-то след в след, глотая пыль того, кто вырвался вперед тебя. Но монгольские шоферы, да и те, кто едет с ними, предпочитают свою дорогу, а чаще всего прокладывают свой след в степи, а когда мчатся вперед, захватив в горсть тугой ветер, то поют свою песню о своей дороге и видят своих журавлей и свою, еще не мятую ничьими колесами траву. И только очертания далеких гор для всех водителей общие. По ним, говорят, и ориентируются в дороге степняки. Да еще звезды, если ночь застанет в пути, одни и те же у всех над головой. Звезды крупными неограненными алмазами переливаются красновато-зеленым светом. Медленно поворачивается небо, как полог сказочной юрты. И покойно на душе, потому что если небо звездное, то уж никак не заблудишься: звезды не позволят. Они до солнца с тобой, путником. И вот уже белые плети дорог сбегаются, сплетаются, сливаются в одно сухое русло, превращаются в натянутую струну, она гудит под копытами сотен тяжело груженных машин. Впереди виднеются юрты, и дым над ними, и слышатся голоса детей. А это всегда успокаивало меня, непривычного к дальней ночной езде.

ВЕЧЕРОМ ПРЕДПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Сегодня я начал понимать ценность увиденного и услышанного в пути по чужой земле. Впечатления о незнакомой ранее стране складываются из пустяков, которые, в общем-то, пустяками только кажутся. Догадываюсь, что о некоторых мимолетных картинках быта, о случайных встречах на дороге позже, уже дома, я буду вспоминать как о самом значительном. Так всегда бывает: верно лишь то, что запомнится «просто так», неизвестно почему, а не то, что надо бы записать для служебной памяти.

Песни... Сначала я не различал ни отдельных слов в языке, не различал лиц окружающих — они сливались в одно. Но «слышал» я песни. Теперь я могу сказать по-монгольски приятному мне человеку самое главное: «Сайн байна уу!» («Здравствуйте!») Я научился благодарить женщин за пиалу с кумысом на их родном языке. И детям я говорю «Баяртай», а они мне, если уже посещают школу, и особенно те из них, кто прилежен, радостно и старательно отвечают: «До свидания!»

А потом я запомнил имена своих новых друзей и верных спутников по дорогам Монголии и вскоре уже знал, как звучит по-монгольски та или иная река, гора, как по-монгольски «конь», «стрела», «цветок», «камень», «хлеб», «молоко». И, наконец, у меня уже была полюбившаяся монгольская песня «Зандашоо». Так зовут иноходца, о котором поется в той песне. Песня об иноходце, но это и трогательно зашифрованный намек на красоту любимой, у которой сильные стройные ноги, гордая осанка, [illegible]ая шея, красиво вырезанные ноздри, жадно ловящие ветер родной степи... Но это только намек, на самом же деле поется песня об иноходце, только о нем, об иноходце по кличке «Зандашоо».

Песню эту первый раз я услышал в нашей машине от случайной попутчицы. Какое же доверие надо почувствовать к нам, к незнакомым людям, чтобы в дороге при нас вдруг запеть любимую песню! Я, признаться, до сих пор удивляюсь этому чуду откровенности и человеческого тепла. Вот ты «голосуешь», просишь у дороги, чтобы тебя посадили, и тебе повезло, и ты прислушиваешься к голосам на чужом языке, искоса, исподволь приглядываешься к чужестранцам — и вдруг отвечаешь на десяток своих вопросов, на их любопытные взгляды, на все непонятное, что произошло сегодня с тобой, отвечаешь своей любимой песней! И свершается чудо. Именно эта песня «услышана», она, а не прежние вдруг доходит до чужестранцев как приглашение разделить радость узнавания новой страны, и она, эта песня, вдруг становится песней их путешествия, песней тех дорог, по которым они колесили в Монголии... Осознанно это только сейчас, а было в самом начале, кажется, поздним утром четвертого дня...

В СУМЕРКИ СЕДЬМОГО ДНЯ

Еще раз песню об иноходце я услышал в юрте молодого табунщика В. Цэрэнпилэна. А спела нам по просьбе хозяина юрты его жена Хорло, стройная, совсем еще юная, у них пока всего один ребенок-ползунок, играющий с красивой уздечкой. А рядом сидели, толпились меньшие братья Цэрэнпилэна, те самые мальчишки, которые только что — ну, может

Имя Жамьяна знают многие в Монголии. Старый батыр был когда-то чемпионом страны по борьбе. Хархорин. На месте бывшего монастыря — музей. И поднялся в степи новый город — Дархан... Скачки — всегда праздник для всех. Так было и в долине Радости — Баясгалан. Десятиклассница из Тариат-сомона, имя ей Чулуун Цэцэг, а по-русски Каменный Цветок. Дархан и сегодня строится. В канун 1 сентября ребята часто забегали в новую школу. Рядовой Г. Жамба. А это В. Цэрэнпилэн, табунщик из СХО, «Гэрэлт зам» («Светлый путь»); его мы встретили в долине Баясгалан.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. Савина.

Батдорж, юный житель Улан-Батора. Ему очень нравятся новые советские тракторы.

В Дархане плечом к плечу работают монгольские и советские строители. На стройке кондитерской фабрики мы встретили друзей-монтажников Виктора Назаренко, С. Гиржйше и Анатолия Минеева.

быть, час назад — участвовали в конных играх и скачках. О, нельзя забыть, благодаря чему мы все-таки на эти скачки попали! Собственно, мы с рассвета уже спешили на праздник, хотя не знали точно, в каком месте долины, за какую гору сгонят по такому случаю табуны. И, конечно, в конце концов попали бы на импровизированный ипподром, но в степи у каждого своя дорога! А та, которую на этот раз избрал наш шофер, шестидесятипятилетний невозмутимый Луузан, вела нас к цели кружным путем. «Газик» наш летел по короткой, выбитой стадами траве со скоростью, близкой к семидесяти километрам в час, он словно догадывался по нашему напряженному молчанию, что мы куда-то опаздываем. И вот тут-то с машиной поравнялся стройный разгоряченный всадник на прямо-таки боевом коне. Он стоял на стременах. Оскалившийся гнедой, низкорослый и широкогрудый, был возбужден не меньше всадника и потемнел от пота. Всадник что-то кричал, взмахивал, будто копьем, длинным таким шестом с петлей аркана и летел ноздря в ноздрю с нами, пока Луузан не понял, что человек не резвится, не просто горячит молодую кровь коня, а что-то кричит нам, показывая в сторону кустов. Шофер сбросил газ, мы стали как вкопанные, а всадник пролетел во весь опор вперед, потом сделал широкий разворот, снова подлетел было к нам. И снова конь унес его от дороги, покружил в отдалении и только потом, замедлив бег, роняя хлопья пены, подбежал к пыльному «газику». Это и был табунщик Цэрэнпилил. Оказывается, он несколько километров назад увидел с какого-то кургана, что мы промчались мимо кратчайшей дороги до «ипподрома», и тогда он бросился в погоню, и лошадь его, верно, обрадовавшись случаю, быстрее стрелы полетела за автомашиной... Это было красиво!

Сейчас, после чудес конных состязаний, после того, как табунщики и вместе с ними Цэрэнпилил продемонстрировали нам ловлю и укрощение полуодичавших на воле молодых жеребчиков и норовистых кобылок, мы сидим в юрте старого Батора. Он сегодня веселый: и оттого, что выпал случай согнать все ближайшие табуны первой бригады сельскохозяйственного объединения «Гэрэлт Зам», и от пиалки-другой светлейшей водки арз, которую гонят из молока. И внуки — те самые тоненькие мальчики в ярких дэли, которые только что вместе с мальчиками других суури скакали наперегонки,— смеются над дедом, их главным тренером. А когда мы спросили, сколько же уважаемому Батору лет, то он своим ответом («Пятьдесят...») вызвал шумные возражения смешливых внуков: «Не скрывай, дед, говори правду! Или на пенсию не хочешь?..» Оказывается, Батору, у которого еще сильные ноги и спина, сильные руки, через год будет семьдесят.

Долину, вернее, то место долины, где мы встретили красивых детей Архангая, называют Баясгалан, что означает — радость.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Нас пригласил в юрту заведующий фермой того же СХО. Он ждал нас, сварил барана. Снова пили и арз из серебряных пиал и холодный кумыс. Пурэвжав (так звали хлебосольного хозяина) рассказал, как тут живут люди. Шесть лет назад ферме присвоили звание предприятия социалистического труда, и теперь вот каждые два года надо подтверждать право на это непростое звание. В суури (на стойбище) одиннадцать семей, всех вместе человек шестьдесят — и детей и взрослых. Около тысячи голов только рогатого скота. Пастухов двое, одна телятница, один чабан, двенадцать доярок. Кстати, хозяйка юрты Жидху пять раз завоевывала первенство среди доярок в аймаке! В суури — три члена партии и пять ревсомольцев. Еще я записал, что оплата у животноводов ежемесячная, но это лишь аванс. Основной доход делится в конце года. Так было не всегда, а вот новая система оплаты пришлась людям по душе. Кассир СХО только на этой ферме раздал в день окончательного расчета около 60 тысяч тугриков. Это немало! Учтите, что монголам в степи не надо покупать ни молока, ни мяса — все свое! Правда, за последние годы монголы пристрастились и к хлебу. Хлеб свой, монгольский, сеют госхозы. Но главное — мясо. Кстати, члену СХО, если он вздумает купить барана в своем общественном хозяйстве, баран этот обойдется почти втрое дешевле, чем такой же, но купленный на базаре. Но вообще-то бараны у всех свои. На зиму семье, говорит, надо ни много ни мало — десять, а то и больше баранов!..

Самое заветное заведующий фермой Пурэвжав сказал под конец. Вдруг среди незнакомых слов я услышал: «Владимир Ильич Ленин...» И вот нам перевели:

— Мы гордимся тем, что у истоков дружбы между нашими государствами стоял Владимир Ильич Ленин!..

ДНИ ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ

Долина реки Суман-гол. Степь — как море. Но это сравнение ни о чем не говорит. Море... Где оно? Да и существует ли вообще? Степь, как степь... Окаменевшая река магмы, а рядом живая река — Суман-гол (Суман — стрела).

Мы идем в сомонный (районный) Дом культуры. Пронзительно кричат горные — угольной черноты и неожиданно красноклювые — галки (или альпийские клушицы?). Все население сходится к Дому культуры. Как на грех что-то случилось с движком, и он не дает полного накала. Но не отменять же концерт! Тогда к красноватому свету люстр под оживление зала добавили дюжину свечей, и занавес побежал в сторону... Девушки и парни танцевали, декламировали, даже плясали русского! И пели. И снова я услышал песню об иноходце, в которой коню адресованы все прекрасные слова, втайне предназначенные для любимой... И прозвучала еще одна песня, слова которой синхронно мне на ухо переводил председатель СХО «Ялалт» («Победа») товарищ С. Рэгдэндагва. Песня о девушках из долины Тэрхийнгола. Написал ее он, Рэгдэндагва. Приятное открытие! Я сказал: «Сайхан!» («Хорошо!») Председатель улыбнулся. Он был учителем истории, работал директором школы. Партия призвала на хозяйственный фронт. Учился снова, овладевал основами экономики. И вот уже несколько лет здесь... А стихи пишет по-прежнему. О девушках, о вулкане, об озере Хорог. Мы его видели, ели на его диком берегу дикую козу, пили кумыс...

И слушали первозданную тишину! Тишина в степи и в горах Монголии удивительная. Неслышно растут травы, неслышно пробегают табуны, неслышно парят большекрылые коршуны. Тысячи лет, наверное, молчит каменная река, когда-то выплеснувшаяся из раскаленного сопла вулкана...

У Архангайского аймака есть свой герб: бочка с маслом и як. Полукружье девиза гласит: «Тос-алт» («Масло — золото»). А как изобразить тишину? Она тоже золото — тишина вели-
[illegible]
те. А ведь она так нужна всем нам, людям. Мудрый тот народ, который сбережет тишину своей родины в наш век. Мудры и поистине свободны люди, которые не стесняясь и от всего сердца поют для незнакомца, для гостя. Дарят гостю песню и дарят тишину, без которой трудно родиться настоящей песне.

* * *

Я назвал свои заметки, которые мысленно писал еще там, в юртах Северного Хангая, «Телогрейка Луузана». Дело в том, что я очень мало знал наших соседей — монголов. Я ехал в Монголию и побаивался убийственного солнца полупустынь. Забыл о существовании на планете пояса с континентальным климатом, когда знойный день почти без перехода сменяет холодная ночь. И вот наступил первый вечер в пути, и я, еще ни о чем не догадываясь, начал ощущать холод. Холодно вызванивала темная вода скрывшейся в темноте речушки, холодно блестели звезды. Чем-то я выдал просчет в своей экипировке, и тогда наш шофер Луузан остановил «газик», вышел из него, и открыл багажник, и тут же молча подал мне новенькую телогрейку. Он молчал и улыбался. Потом сказал что-то — короткое и доброе. Оказывается, готовясь в многодневную и многотрудную поездку, старый Луузан, который видел меня первый раз в жизни, никому ничего не сказав, заехал к себе домой и прихватил эту телогрейку. Для меня. У него самого в дороге были теплая кожаная куртка, плащ, одеяло... Для меня он положил в багажник телогрейку. Почти все дни, все вечера и ночи наших с ним автокочевок я не снимал телогрейку Луузана. Удобно в дороге: ни дождь, ни пыль не пробивают. А главное, тепло. Всегда тепло. Когда случались приключения, и ночь заставала нас в пути, я накрывался телогрейкой или клал ее под голову. Я и сегодня ощущаю ее тепло. А зеленая пыльца полыни давно слетела с ботинок. И эдельвейсы, которые я привез, уже успели засохнуть. Тепло телогрейки Луузана осталось. Пустяк? Ни бог весть какое воспоминание? Не знаю... И все-таки не пустяк. Не может быть пустяком проявление человечности. Своего рода это тоже тишина, которой так не хватает на земле. И которой так богата Монголия.

Цэвэлмаа учится на 1-м курсе Архангайского педучилища. Памятник Сухэ-Батору в столице МНР. Мы проехали немало километров с шофером СХО «Ялалт» («Победа») — милой и быстрой Т. Цэвэгмаа. А эти девушки живут в Улан-Баторе. Справа — скрипачка театра оперы и балета З. Оюуна. Она знакомит с новыми модами свою юную подружку. Один из залов музея в Улан-Баторе возвращает нас к доисторическому прошлому. В аймачном центре Цэцэрлэге мы познакомились с сестрами, которых зовут Наранцэцэг и Саранцэцэг, то есть Солнечный Цветок и Лунный Цветок. Зажгутся новые огни в столице!.. Один выстрел — и шофер Луузан подобрал трех гусей. Легендарная скала Тайхар на берегу прозрачного Тамира. В СХО «Ялалт» есть свои артисты!

Вечная трава долин

Ц. ДАМДИНСУРЭН, профессор

Известно, что монголы имели письменность уже в XIII века. Они заимствовали ее от уйгуров. Алфавит состоял из 24 букв, которые пишутся сверху вниз. Монголы им пользовались до сороковых годов нашего столетия. А первым письменным памятником монголов является надпись, вырезанная на камне в начале XIII века в честь одного хорошего стрелка, стрела которого попала в цель на расстоянии 335 саженей.

Самый крупный замечательный историко-литературный памятник — так называемое «Сокровенное сказание монголов», написанное в 1240 году. В этой книге подробно излагается процесс объединения монгольских племен и создания единого монгольского государства. Автора мало интересуют завоевательские походы, о них он говорит довольно скупо. В «Сокровенном сказании» много фольклорных материалов, народных легенд и песен. Оно привлекает внимание ученых многих стран, в том числе и советских. «Сказание» уже переведено на десятки языков. Советский академик С. А. Козин перевел его еще в 1940 году. Академик Б. Я. Владимирцов, опираясь на эту древнюю книгу, написал труд «Общественный строй монголов».

Монгольские ученые с древнейших времен немало внимания уделяли переводам.

Переведены монголами многие литературные произведения Индии и Тибета. Нередко, утраченные на своей родине, они обнаруживаются у нас, в Монголии. Мы имеем по меньшей мере шесть таких «воскресших» сборников, содержащих сотни народных ска[illegible]!

В XIX веке уже появились почти все жанры современной литературы. Позволю себе остановиться только на трех наших писателях. Первый из них — поэт Рабджа. Он жил в первой половине XIX века. Хотя он был ламой, именно Рабджа написал немало любовных стихов и песен, многие из которых народ поет до сих пор. Одна его песня называется «Прелестная красота». В ней воспевается красота женщины. Каждый из пяти куплетов песни описывает одно из пяти чувств человека. Он же в 1832 году сочинил и поставил музыкальную пьесу «Лунная кукушка» и даже построил для ее постановки театр! В великой пустыне Гоби прекрасные стихи и мелодии Рабджи собирали слушателей за сотни километров.

Другой известный писатель — Инжинаши. Он написал два романа, исторический — «Синяя книга» и «Зал любовной тоски», в котором выражен социальный протест против феодалов. А в XIX веке критические мотивы по отношению к феодальному строю усиливаются в стихах поэта Данзанванджила.

Не все литературные памятники еще собраны, изучены. Раньше этим занимались только иностранные ученые. Теперь у нас выросли свои научные кадры. Они плодотворно исследуют устные и письменные произведения монгольской культуры, вечные, как вечны высокие травы в долинах моей родины.

Фоторепортаж
И. ТУНКЕЛЯ.

Ученый

Дубна — осенняя, с деловитой тишиной улиц, с желтизной лип, с вольным простором Заволжья. Здание с колоннами. «Объединенный институт ядерных исследований» — написано на многих языках, в том числе по-монгольски. Расспрашиваю об ученых из МНР.

Д. Чултэм — он работал в Лаборатории ядерных проблем — стал доцентом Монгольского государственного университета. Несколько лет назад университету в Улан-Баторе из Дубны был передан генератор нейтронов, первая ядерная установка в Монголии. Профессор Д. Чултэм возглавляет научные исследования в университетской Лаборатории ядерной физики.

Уехал на родину и Туведендорж, он теперь сотрудник недавно организованного Института физики Академии наук МНР, работает в лаборатории, занимающейся изучением элементарных частиц. Далхажав сейчас в Советском Союзе, участвует в экспериментах, которые Объединенный институт проводит на самом большом в мире Серпуховском ускорителе.

Б. Чадраа после защиты диссертации в Дубне теперь работает в Улан-Баторе, он один из руководителей Лаборатории высоких энергий.

Закономерный процесс: вырастают ученые, уезжают на родину, чтобы возглавить научный поиск. Их место занимает молодежь.

Как естественно, как просто все это звучит: «генератор нейтронов», «исследование упругих взаимодействий нуклонов»,— и все это в Улан-Баторе! Такова Монголия 1968 года. Таков современный уровень монгольской науки.

Профессор Н. Содном прибыл в Дубну в числе первых монгольских ученых. Три года вел исследования в Лаборатории нейтронной физики. Уехал на родину, стал ректором Монгольского государственного университета.

В январе 1968 года Комитет Полномочных Представителей государств — членов Объединенного института ядерных исследований избрал члена-корреспондента АН МНР Н. Содномa на пост вице-директора Объединенного института. Профессор возвратился в Дубну одним из руководителей огромного международного научного центра, отвечает за комплектование кадров, курирует обширную программу исследований по физике низких энергий.

Лхачин Ойдовын недавно приехал из Монголии, работает младшим научным сотрудником. Его руководитель — кандидат физико-математических наук Борис Захарьев.

◀ Профессор Н. Содном.

Снова в Дубне...

Сыновья Содномa Намсарайна — Энхбат и Баябат — учатся в школе, в восьмом и во втором классах.

Николай МЕТЕЛЬСКИЙ

Город мастеров

— Выезжать придется не позже четырех утра,— вылезая из машины, сказал Давасамбу.— Иначе можем опоздать. Успеешь поспать?

— Надо успеть,— буркнул шофер.

— А как же динамо?

— И динамо надо успеть подготовить и вздремнуть хотя бы часа три. Откладывать поездку никак нельзя, а путь неблизкий, и еще эта жара,— сказал Зундуй.

Давасамбу внимательно посмотрел на него и подумал: вот и Зундуй уже стареет. Давно ли он был темен, как монгольская ночь, а теперь темноту обметал иней. Только глаза все те же — лучатся теплом и выдают беспокойный характер.

Приближается вечер. Но снизу, с Толы, доносились голоса купавшихся ребятишек. Жара не спадала. Ни единого облачка на небе. Давасамбу не стал подниматься в юрту. Спустился к берегу. Сел под черемуху на большой камень и залюбовался рекой, синей у берегов, голубой и веселой на стремнине.

Мысли его опять вернулись к Зундую. «Сколько лет они знакомы? — вспоминал Давасамбу.— Где только не встречались! Вот и сейчас чего бы не сидеть человеку в Улан-Баторе? Отличная квартира! По вечерам телевизор. Хорошая зарплата. Нет же, выпросился на новую стройку. Годы и раны ему нипочем».

Сыплется песок с высоких барханов.

Бежит время. А встретились они впервые летом сорок пятого. Давасамбу не забудет знаменитый рейд конно-механизированной группы советско-монгольских войск под командованием генерала Иссы Александровича Плиева через Гоби и Хинган. В самом начале перехода через мертвую пустыню Шамо к нему, начальнику разведки, привел диверсанта молодой тогда Зундуй. У диверсанта изъяли листовки, он шипел: «Боги низвергнут вас в пропасти Большого Хингана!» Но кто остановит степную бурю? Они тогда прошли. А в решающем сражении за Жэхэ он, Давасамбу, подобрал на поле боя израненного Зундуя.

Потом были стройки. Много строек. Мастер, бригадир, начальник участка, прораб... Давасамбу часто встречал на всех строительных площадках — среди многих — один приметный грузовик. Кабину его неизменно украшали золотые звездочки, каждая из них — это сотня тысяч километров пробега. И неизменно за баранкой сидел Зундуй, с выгоревшими бровями, опаленный ветрами и солнцем.

Последние годы они не расставались. На многие ответственные стройки партия направляла Давасамбу. С ним шел и партиец Зундуй. Чем больше строили, тем неодолимее было стремление созидать. Поистине жадного не накормишь!..

Дархан — центр нового промышленно-экономического района на севере республики. Там строится современный город с десятками промышленных объектов. Он должен вдвое увеличить добычу угля на душу населения, увеличить на триста киловатт-часов выработку электроэнергии на каждого жителя страны, дать сотни тысяч кубических метров строительных материалов, муку, одежду, продовольствие. У каждого поколения есть свои подвиги, есть свои города-герои. Дархан стал таким городом Монголии 60-х годов. Его славу составили строители-первопроходцы. Они забили первый колышек в степи, в лютый мороз жили в палатках и строили, строили. Это были советские и монгольские парни.

С тех пор жизнь Давасамбу и Зундуя клином сошлась на Дархане. Когда оставались наедине, только о нем и шел у них разговор. Друзья [illegible]е.

— Советский строительно-монтажный трест готовит индустриальную базу для будущего строительства,— раскрывал газету «Унэн» Зундуй.

Как-то во время отпуска Зундуй специально уехал в Дархан и многие из объектов увидел уже в действии.

— В Шарынгол проложили железнодорожную ветку и провели линию электропередачи! — с радостью рассказывал Зундуй.— Вот это темпы! Размах! А ведь морозы не стали слабее. И пыльные бури по-прежнему превращали день в темную ночь. Комары, как крокодилы, сапоги прокусывают! А сколько молодежи на стройке!..

Давасамбу, помнится, досадливо прервал Зундуя:

— Слыхал... Кому же, как не молодежи, браться за дело!

Вскоре Давасамбу узнал, что в Дархане в рекордно короткие сроки советские и монгольские строители возвели мощный элеватор. Бригада, руководимая его учениками Сосоровым и Шаравом, за девятнадцать дней подняла правое крыло элеватора. И вот тогда-то он, Давасамбу, сдал государственной комиссии свои досрочно построенные объекты, выпросил три дня в счет будущего отпуска и сам уехал в Дархан.

...Степь всегда располагает к раздумью. Давасамбу уверен, что в жизни гораздо больше необыкновенного, чем кажется на первый взгляд. Вот тому доказательства. Около сорока лет назад он впервые ехал этой дорогой. Конечно, на [illegible] средств передвижения в стране не было. Давасамбу держал путь в Северную страну. Гобийские батраки послали его учиться в Советский Союз. «Сын дархана Ханда — счастливец! Давасамбу едет учиться в страну Ленина»,— передавали от стойбища к стойбищу радостную весть бедняки.

— Книги не прибавят скота, не наполнят котел бараниной, а пиалу — густым кумысом. Книги разучат пасти скот, и тогда мы потеряем все,— ворчали богатеи.

Мать вылила на стремя пиалу молока, чтобы путь сына был счастливым и легким. Так требует обычай. Поцеловала Давасамбу в левую щеку. В правую поцелует, когда он вернется. В ее глазах светилась и радость и страх: какой-то она будет, судьба сына?

Отец его был отменным дарханом — мастеровым. Жил он в самом сердце Гобийской степи — в Сэврэ-сомоне, а про дела его люди знали далеко за снежными горами и знойными песками Гоби. На три зимы и на три лета уходил на западную сторону строить непревзойденные по красоте дворцы. Много монастырей и храмов построил знаменитый дархан Ханда. Но ему ни разу не разрешили переночевать на территории монастыря, и с наступлением темноты мастер уходил в степь. Ламаистская религия предостерегала: мастеровые люди грешны — они вмешиваются в дела бога и природы. Нередко платой за тяжелый труд были тяжелые удары бамбуковых палок. Так и замерз однажды Ханда у стены монастыря, куда его даже в страшный буран не пустили ламы.

Не такой судьбы желала мать сыну!..

Учение в Москве казалось Давасамбу сказкой. Перед ним раскрывался иной мир. Но через два года учение неожиданно оборвалось. Отозвали домой. В Гоби и в других местах контрреволюция подняла голову. Убивали партийцев, партизан. Сбросили в пропасть отважную батрачку Бор — боевого руководителя монгольской молодежи. Когда-то вместе с ней Давасамбу создавал первую ревсомольскую ячейку в Гоби.

В Улан-Баторе Давасамбу ожидала бригада молодых пропагандистов, с ней он и уехал в родные степи. Работать пришлось под руководством товарища Самбу, нынешнего председателя Президиума Великого Народного Хурала республики.

Товарищу Самбу не было тогда и сорока. Но двадцатидвухлетнему парню он казался пожилым. Позже Давасамбу понял, какую великую школу прошел он у Самбу, закаленного, стойкого борца партии. Вспоминает те годы с нежностью, признается только, что работать было трудно. Отдыха товарищ Самбу сам не призна[illegible] другим отдыхать не давал. Спать молодые убегали в степь. Нужно было — находил и там!..

Теперь и от него молодые иной раз убегают [illegible]

Машина мчала Давасамбу к новому городу Дархану. Он узнавал и не узнавал старую степь. Вот тепловоз тянет тяжелый состав. Наперерез ему бегут ажурные мачты электропередач. Навстречу поток автомашин.

Одна за другой встают перед Давасамбу картины пережитого. Вот его бригада пропагандистов спешит в Гоби. Надо обезвредить контрреволюцию. Бригадиру дали грузовую машину, одну из первых в стране. И что же? Стоило ему появиться на стойбище, как люди бросали юрты, скот и в страхе бежали от «железного шайтана». Кое-кто приносил барашка в жертву грузовику!.. Пришлось пропагандистам вернуть машину в Улан-Батор, пересесть на лошадей.

А жестокая схватка с Сорджи-ламой — настоятелем кумирни? В Гоби так: нет воды — нет жизни. Во многих местах дождей не бывает по нескольку лет. Только солнце и горячие ветры. Высыхают даже колодцы. Горят травы. Гибнут табуны. Задыхаясь от жажды, бросая родные места, люди откочевывают за сотни километров. Партийцы стали организовывать скотоводов, чтобы сообща рыть колодцы, делать совместно водопойные пункты для скота нескольких стойбищ.

— Никто не смеет прикоснуться к богатству Гоби,— заявили тогда ламы.— Слышите, уже много веков стонут те, которых похоронила Гоби за дерзость,— и показывали они в сторону песков, откуда иногда доносились непрерывные высокие звуки.

Ламаизм — самая страшная язва Монголии — под страхом смерти отклонял любое вмешательство в дела природы. Так сотни лет ламы наводили на людей ужас «поющими песками». И вот однажды в разгар принародного спора Сорджи-лама бросил юному Давасамбу вызов:

— Если ты не признаёшь воли богов, то докажи, что ты мудрее их — сходи в Дархан!

Толпа дрогнула, зашумела. Давасамбу оставалось одно — идти!

Дождался выхода луны, и, оставив пляшущих лам, отпевавших смельчака, Давасамбу поехал в пески. Тишина окутала степь. Вдруг издали полилась музыка, послышались стоны, крики. Конь задрожал... Но пришпоренный, он понес всадника в безлюдный Дархан. К утру Давасамбу вернулся в стойбище с притороченным к седлу старинным серебряным сосудом и с бандитской пулей в боку... Тайну поющих песков недавно разгадала наука. Движение песчинок порождает вибрацию воздуха, которую человеческое ухо воспринимает как определенные звуки, иногда даже как стройную мелодию! А тогда Давасамбу поседел...

...И вот, как моментальная фотография, вдруг возник перед Давасамбу новый Дархан. В космическом изгибе дорожная стрела указала правый поворот. Ночная степь встретила морем огней. Давасамбу хорошо помнит эти места. В тридцатых годах здесь была станция, на которой он менял лошадей, когда ехал в Советский Союз. Ему рассказывали, что старик Жадомба, бывший начальник этой станции, считает себя основателем города. Потом здесь появилась другая станция — железнодорожная. Строители трансмонгольской магистрали тоже считают себя основателями города... Лет десять назад Давасамбу пересекал эти места в курьерском поезде Улан-Батор — Москва! Но по-прежнему дремала степь. Цвели буйные травы. Кругом с молодецким посвистом проносились всадники.

И только геологи уже тогда знали: в этом месте степь таит несметные богатства. Вскоре по дорогам двинулись уральские бульдозеры, московские и горьковские самосвалы. Советские и монгольские парни заложили первые фундаменты будущего Дархана.

...Рано утром Давасамбу разбудили в номере гостиницы позывные радио. Поднялся, отдернул штору — и застыл у окна: увидел новый город, да еще такой, будто за ночь его построил сказочный волшебник. Нежный молочный свет, который бывает только перед восходом солнца, залил улицы и площади, окруженные амфитеатром невысоких гор. Дома на эти улицы идут, как говорят, с потока, один за одним, выстраиваясь в кварталы и в первые микрорайоны. Да так быстро, что деревья еще не успели вырасти. Он угадывал — это школы, это детские комбинаты, это комплексы бытового обслуживания... Архитектура города вполне современная.

Давасамбу — опытный строитель. Он смотрел на все строгим, но в то же время восхищенным взглядом профессионала. Ошеломили и размах и высокая культура строительства. Он угадывал поточный метод, высокую степень сборности зданий, опережающие темпы сооружения нулевого цикла. Этим как раз и отличается научная организация строительного дела. Производственных объектов в городе нет. Они отнесены за гору, в сторону от жилого микрорайона.

Выкатила из-за угла машина и стала мыть улицу. Прошла под окнами группа молодых рабочих. Распахнулась дверь магазина. Город ожил. Через полчаса он уже был полон жизни.

Целый день Давасамбу колесил по городу. Солнце клонилось к закату, а он вместе с заместителем председателя исполкома городского хурала народных депутатов, с энергичным и деятельным Сурэном все еще объезжал новостройки. Сурэн одновременно исполняет обязанности архитектора города.

Первыми жителями нового Дархана стали его строители — молодые мастера Монголии, специалисты Советского Союза и других социалистических стран.

Фото М. Савина

— Наши монгольские строители многому научились у Александра Матвеевича Семенова, который несколько лет был управляющим советским трестом «Дарханстрой»,— рассказывает Сурэн.

Да, это инженер с большой культурой. Монгольское правительство отметило его высшей наградой — орденом Сухэ-Батора.

— Именем Семенова мы назовем одну из улиц города! А приходилось ли вам встречаться с руководителем строительства Дарханской ТЭЦ Павлом Павловичем Николаенко? Или с инженерами Андреем Федоровичем Верейй и Владимиром Степановичем Неприцким? — спрашивает Сурэн.— Опытнейшие руководители! И еще обязательно познакомьтесь с нынешним управляющим советского треста — с Василием Васильевичем Поповичем. Он строил в Сибири, в Донбассе, восстанавливал после войны Киев, строил политехнический институт в Гвинее! Обладает удивительной способностью связывать новую техническую мысль с реальной обстановкой. Вот у каких людей учатся наши инженеры и специалисты...

С одной стройки ехали на другую. Силикатный завод. Цементный. Овчинно-шубный комбинат. Предприятие пищемолочной промышленности... В разговоре то и дело Сурэн возвращался к делам советских специалистов. Их здесь сотни. С их помощью создана мощная индустриальная строительная база, а это десятки цехов и заводов! Они построили ТЭЦ и мощный угольный карьер...

Для Давасамбу все, что он сам увидел, было еще одним убедительным доказательством способностей свободных людей творить чудеса. Он увидел в Дархане новую рабочую смену своей страны! Тысячи монголов с помощью советских специалистов освоили здесь профессии плотников, бетонщиков, штукатуров, стали шоферами, экскаваторщиками, бульдозеристами. Новейшая техника стала послушной тем, кто еще вчера знал единственное орудие труда — ташур (кнут). Бригада Цэрэндоржа одним экскаватором вынула за год почти миллион кубометров грунта. А молодой бригадир Цэрэндорж, вчерашний пастух, не только большой знаток техники, но еще и депутат Великого Народного Хурала республики. На Шарынгольском карьере работает больше ста инженеров и техников, монголов по национальности. Давасамбу хорошо помнит другие времена: когда пускали первую электростанцию в Улан-Баторе, то по всей стране не могли найти четырех своих инженеров... Но вот Очирбат — главный инженер угольного карьера, ему 26 лет! Его доклад на международном горном конгрессе об открытой добыче угля с интересом слушали убеленные сединой специалисты из многих стран. Под стать ему, Очирбату, и главный инженер ТЭЦ — Дашцэрэн, которому также нет тридцати. Посетив Дарханскую ТЭЦ, турист из ФРГ, владелец крупной электростанции, сказал, что он хотел бы иметь у себя на предприятии такого специалиста, как Дашцэрэн.

Люди называют город Дархан монгольской Магниткой! Давасамбу хорошо знает советскую Магнитку, ее историю. Когда он второй раз учился в Москве, ему пришлось побывать на Урале. В Дархане многое напоминает Магнитку. И массовый трудовой героизм, и стремительные темпы, и захватывающие дух перспективы. Но есть одна важная особенность. Советскому Союзу в те далекие годы приходилось рассчитывать только на свои силы и ресурсы. Дархан строится при большой материальной и технической помощи стран — участниц СЭВ: Советского Союза, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии. Пройдут годы, десятилетия, и новые поколения будут рассказывать о народах-советских.

...После поездки Давасамбу окончательно потерял покой. Завершив стройку на Налайхе, он уже ни о чем не мечтал, кроме Дархана. И вот он получил направление на строительство Дарханского мясокомбината. На сооружении будет применена новинка строительной техники — скользящая опалубка. Но сначала предстоит объяснение... с домашними. Каждый раз, получая новое назначение, он уверял, что это последняя перекочевка. И вот опять...

Падали вечерние тени. Солнце обламывало свои последние лучи о вершины скал. Над рекой клубился туман. Давасамбу поднялся и пошел в юрту. За ужином он объявил домашним свое решение — ехать.

— Ты что, спятил? — всплеснула жена руками.— Одиннадцать внуков имеешь, а туда же — в добровольцы?

— И старое дерево в хорошее лето цветет, жена...

— Год до пенсии остался!

— Старому коню и узда тяжела, а я горы ворочать готов. Дархан весь мир знает!

— Да тебе до смерти не хватает полшага! Костлявая всегда чуть впереди нас плетется...

— Рыба умирает без воды, птица — без воздуха, скот — без травы. Человек — без настоящей работы. Тайна строителя — в его сердце. Кто думает, что Дархану нужен только хороший инструмент, только умный глаз, ошибается. Дархану нужны еще и сердца! И я свое отдам...

Спор был, но был тот спор недолгим. Когда утром Зундуй подъехал к юрте, его машину ждали трое: вместе с ними в Дархан ехали жена и Баяр-мунх — младший сын Давасамбу. Мальчишка радовался больше всех.

Сильные, смелые

Монголия — страна больших спортивных традиций. Национальная монгольская борьба, непревзойденное мастерство лучников, лихое искусство всадников вошли в поэзию, неотъемлемы от многовековой истории сильного и смелого [redacted]

Ни одно народное торжество не обходится без Праздника трех мужей — увлекательного соревнования по скачкам, борьбе, стрельбе из лука.

Бережно храня традиции, современная монгольская молодежь все увереннее с каждым годом расширяет границы спорта. Монгольские мастера вышли на международную спортивную арену. Широко известно в Европе имя замечательного монгольского борца вольного стиля Сэрэтэра.

В далеком Мехико на Олимпийских играх соревнуются на равных с лучшими спортсменами мира монгольские легкоатлеты, гимнасты и, конечно, борцы!

Э. ТУМЭНЖАРГАЛ

Костер на берегу

Их очень много у моей страны, таких друзей — русских советских людей. И, рассказывая о ней, о моей Монголии, я не могу не рассказать хотя бы о некоторых из тех, чья судьба много лет была связана с судьбами моего народа.

...На дне базальтового ущелья грохочет, рвется из плена Чулут. А рядом, под шатрами редких сосен, раскинули свой лагерь геологи. За столиком сидят русский и монгол, толкуют о чем-то и, как водится, не спеша пьют чай. А рядом у костра хлопочет русская женщина — Юлия Павловна Сахарова. Она старший лаборант экспедиции по геоморфологии и снежному покрову. В Монголии Юлия Павловна второй раз, а впервые она приезжала в нашу страну 47 лет назад.

...Шел 1921 год. По просьбе народной Монголии правительство РСФСР направило части Красной Армии на помощь нашей стране, где скрывалась банда барона Унгерна. Красноармейцы вместе с отрядами неустрашимого Сухэ-Батора наголову разбили общего врага, принесли свободу и независимость Монголии. Девятилетняя Юля вместе со своей матерью, а мать ее, Валентина Александровна Сахарова, служила машинисткой в штабе Красной Армии, тогда-то и приехала впервые в Монголию. Дядя ее, Александр Павлович Сахаров, ныне живущий в Ангарске, также проработал в нашей стране двадцать лет. Он был шофером. И поехал в Россию лишь на фронт Великой Отечественной войны. После победы Александр Павлович снова вернулся к нам, в Монголию. Сама Юлия Павловна еще в тридцатых годах работала операционной сестрой в Улан-Баторской городской больнице, а затем в военном госпитале. В 1937 году она вернулась на родину...

И вот Юлия Павловна снова в Монголии. Мы говорим с хозяйкой лесного застолья и вдруг обнаруживаем, что у нас немало общих знакомых. И прежде всего семья хирурга Павла Николаевича Шастина-младшего. Бывают же такие совпадения! Более того, именно в тот день нашей встречи на сказочном берегу Чулута Шастины после трехлетней работы в Улан-Баторе возвращались в Москву.

Шастины... О, эта фамилия хорошо известна в столице республики! Да, пожалуй, и не только в столице. Имена трех поколений Шастиных живут в сердцах многих аратов Монголии. Павла Николаевича называют Шастиным-младшим. Дело в том, что жил и работал когда-то в Монголии Шастин-старший, тоже Павел Николаевич и тоже врач. Врачом был и его сын, Николай Павлович. Здесь же, в Улан-Баторе, работала микробиологом Тамара Николаевна Шастина, мать Шастина-младшего.

И вот медицинская общественность столицы, друзья семьи Шастиных проводили семью Павла Николаевича в Москву. Прощались у памятника деду, что поставлен возле здания третьей республиканской объединенной клинической больницы имени легендарного советского врача Павла Николаевича Шастина. И все в который раз с благодарностью припомнили семейную историю. Но только ли семейную?..

...Лето 1923 года. По приглашению правительства в столицу Ургу (ныне Улан-Батор) прибыл военврач Красной Армии П. Н. Шастин. Можно смело сказать, что от него «есть пошла» наша клиническая медицина. Почти 15 лет прожил Шастин-старший в Монголии, был одним из зачинателей научно поставленного дела здравоохранения в народной Монголии. Сначала Павел Николаевич работал в военном госпитале. Потом в городской больнице, которую он же и открыл. Можно представить, как нелегко было энтузиасту на первых порах! Не секрет, что монголы, во всем слушавшиеся лам, не сразу поверили человеку в белом халате. Верующие упорно ходили лечиться к ламам, к знахарям, нередко отдавая последние сбережения на пожертвования и подношения. Павлу Николаевичу пришлось вступить в жестокую борьбу еще и с суевериями. Одиночки, отчаявшись и усомнившись в могуществе богов-врачевателей, с большой опаской, но все чаще и чаще стали приходить к русскому доктору. Нередко Павел Николаевич выезжал по вызовам в аймаки — почти всегда на лошади, а то и на верблюде! А у крыльца больницы, в городе, его возвращения теперь с нетерпением ждали старые и новые пациенты...

Весной 1925 года для больницы отвели два лучших в столице двухэтажных дома. Однако озлобленные ламы подожгли одно из этих зданий. Результат получился обратный: простые люди не одобрили выходку против русского доктора. Слава об удивительном человеке, докторе Шастине, к тому времени уже разнеслась по всей земле монгольской. Его в кочевьях трогательно называли «дедушка доктор Шастин».

Сын «дедушки доктора» Николай Павлович приехал в нашу страну в 1926 году. Он работал вместе с женой-микробиологом. А через три года в Улан-Баторе при непосредственном участии Николая Павловича открылись двухгодичные курсы медицинских сестер. Здесь Николай Павлович преподавал. А Тамара Николаевна приняла участие в создании первой бактериологической лаборатории при городской больнице.

Многие годы работала в Монголии еще одна Шастина — сестра Николая Павловича — Нина Павловна. Нет, Нина Павловна не врач. Ее знают как одного из сильнейших монголистов не только в Монголии и в Советском Союзе, но и в других странах.

Шастин-младший родился в Монголии. И сюда, в Монголию, приехал он тридцатилетним врачом, как отец и дед. За три года работы в хирургическом отделении Улан-Баторской детской больницы его полюбили не только маленькие пациенты, но и их родители.

Врач Цэрэндулма говорила на проводах русских врачей:

— Павел Николаевич все свои силы и способности отдавал тому, чтобы вырвать детей из лап болезни!

А ее муж, врач Сундэв, продолжил эту мысль чуточку официально:

— Кроме того, наш уважаемый Павел Николаевич уделял много внимания повышению квалификации своих монгольских коллег, неустанно помогал им в этом. Он как-то сказал: «Вырастить крепких, физически здоровых ребятишек — важная для нас с вами задача».

Мы рассмеялись: говорит, как на дипломатическом приеме!

Но за приподнятыми словами речей, несомненно, скрывалось тепло самых близких товарищей.

Костер догорал...

Вот о чем и о ком вспомнили мы с Юлией Павловной Сахаровой, случайно встретившись однажды на берегу бешеного Чулута. О дружбе и о друзьях. В общем-то, как раз о том, что объединяет наши народы,— о бескорыстии и о человечности в наших отношениях.

А в заключение я не могу не сообщить: за самоотверженный труд и вклад в дело укрепления дружбы между монгольским и советским народами Указом Президиума Великого Народного Хурала МНР Павел Николаевич Шастин недавно награжден медалью «Найрамдал», Медалью «Дружба»!..

Всегда с людьми

Этого человека теперь знает вся страна. Но, как прежде, рано по утрам его можно видеть на степной дороге мчащимся на мотоцикле! Он уже стар. Но я не пишу — «старый» Сказать так о Цэрэндорже как-то неловко. Нет, не идет это определение к Цэрэндоржу. Но кто же он? Партийный вожак сельскохозяйственного объединения «Галут», Баян-ово-сомона. Это в Восточном аймаке. Сколько ему лет? Шестьдесят Да разве дело в годах? В том-то и суть, что этот высокий крепкий человек, со смуглым, как у всех степняков, лицом, выглядит значительно моложе своих шестидесяти.

Цэрэндорж, как магнит, притягивает к себе людей. Хорошо зная обстановку в бригадах, характеры людей, их быт и нужды, он умеет всегда найти общий язык с товарищами по труду. А суждения его всегда прямые.

О, внешне Цэрэндорж спокоен! Но в действительности у него очень беспокойная душа. С утра он на пастбище, или в семье рабочего, или в дальней дороге. У него и план работы парткома с максимальной полнотой учитывает самый широкий круг партийных активистов, десятки встреч с людьми, посещение сотен юрт. Цэрэндорж не случайно стоит на том, что человека лучше поддержать шутной, похвалой, чем подвергать разносу. «Плохое слово — плохой советчик и уж совсем плохой помощник»,— не устает повторять старый партиец, но всегда молодой душой Цэрэндорж.

Мы с Цэрэндоржем побывали на фермах и в степи у скотоводов, добивающихся высоких производственных показателей. Всюду мы видели слаженную работу, приподнятое настроение людей. И тут, в степи, за пиалой кумыса Цэрэндорж охотно рассказывал о делах хозяйства. Память у Цэрэндоржа великолепна, он хорошо знает всех людей. А сам он уравновешен и спокоен, как река Керулен. Но за спокойным течением слов я почувствовал энергию партийного секретаря, которому до всего есть дело! Только что он говорил о новорожденном младенце и вот уже толкует мне об изучении скотоводами конкретной экономики. И я начинал понимать, что эти два рассказа связаны между собой, что это и есть жизнь объединения, его жизнь, старого Цэрэндоржа!

Седьмой год Цэрэндоржа избирают секретарем парткома. Сорок лет из шестидесяти он отдал партийной работе. Родина отметила его заслуги орденом Сухэ-Батора, орденами Трудового Красного Знамени и «Полярной Звезды». А недавно в объединение «Галут» пришла весть о присвоении уважаемому Цэрэндоржу высокого звания Героя Труда МНР.

Ц. ХАСБАТАР

ДИПЛОМАТЫ ИЗ ЮРТЫ

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Невидимые духовные нити связывают в единое целое поколения народной Монголии и то, которое начало жизнь еще в эпоху феодалов и лам, и то, которое строит социализм.

В созидательном марше республики, в ее стремительном движении вперед все поколения шагают в ногу. Монголы всех возрастов воспитаны на идеях Владимира Ильича Ленина. Они впитывали все лучшее, что дала человечеству Октябрьская революция, а все ненужное, мешающее развитию общества отметали.

Из «немого государства» и «туманного географического понятия» — представлений, которые многие годы существовали на Западе,— Монголия стала силой, с которой вынуждены сегодня считаться на международной арене. В этом, несомненно, заслуга Монгольской народно-революционной партии, рабочих и аратов, заслуга воспитанных за годы народной власти национальных кадров и в том числе монгольских дипломатов.

ДОМ НА УЛИЦЕ МИРА

В номере улан-баторского отеля, где я остановился, раздался телефонный звонок. Незнакомый голос сообщил, что министр иностранных дел МНР Лувсандоржийн Тойв согласен дать мне интервью.

На улице Мира, центральной магистрали столицы, высится белое здание, впитавшее в себя мудрость архитектур Азии и Европы. В глубине овального подъезда прикреплена вывеска: «Гадаад яадлын яам», что означает — «Министерство иностранных дел».

За массивной дверью стоит стройный, подтянутый, приветливый офицер ведомства внутренних дел. Обычные формальности, и я подымаюсь на второй этаж в приемную министра. Изящная девушка просит немного подождать. На небольшом столике Оюун — так зовут девушку — лежит журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Он открыт на странице, где рассказывается о предвыборных баталиях в США. Рядом исписанные листки — перевод статьи на монгольский язык. Оюун хорошо владеет не только русским, но и английским. Она студентка Московского государственного института международных отношений. В летние каникулы проходит практику в МИДе Монголии, специализируется по внешней политике Соединенных Штатов.

В правом углу приемной загорается еле заметная зеленая лампочка.

— Пожалуйста, проходите, вас приглашает товарищ министр,— мягким голосом произносит девушка и тут же снова погружается в работу.

Меня встречают карие спокойные глаза и чуть-чуть лукавая улыбка.

Лувсандоржийн Тойв родился в юрте пастуха в 1915 году. Мальчику было шесть лет, когда он услышал от старших имя Сухэ-Батора, а в десять он уже выводил мелом на грифельной доске первой народной школы имя Ленина.

Годы учебы и труда. Улан-Баторский университет, Военно-политическая академия имени Ленина, Высшая дипломатическая школа в Москве, работа за рубежом в монгольских посольствах.

— Государственные флаги нашей страны,— говорит министр,— сегодня развеваются над монгольскими посольствами не только в социалистических, но и во многих капиталистических странах: Лондоне и Париже, Вене и Хельсинки, Женеве... А также в центре Манхэттена над представительством МНР при ООН.

— Вы участвовали в работе Организации Объединенных Наций?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, я вам кратко расскажу, как и когда мы стали членом ООН. Советский Союз и другие социалистические государства не раз ставили вопрос о принятии Монголии в эту международную организацию. Западные державы противились. Однако многие государства Азии и Африки, для которых мы являемся примером страны, развивающейся по некапиталистическому пути, решили этот вопрос в пользу Монголии. Семь лет МНР проводит в ООН активную политику мира и борьбы с колониализмом. Мне довелось быть на протяжении ряда лет постоянным представителем МНР в ООН. В июле правительство назначило меня министром иностранных дел. Сейчас нашим представителем в ООН назначен товарищ Дугэрсурэн.

— Не могли бы вы подробнее сказать о том, в чем выражается активность политики МНР в ООН?

— С удовольствием. Молодой монгольский дипломат Буянтын Дашцэрэн избран в президиум четвертого комитета. Здесь он предпринимает решительные акции против колониализма. Надо отметить, что Монголия за эти семь лет завоевала определенный авторитет в афро-азиатской группе ООН. Это неофициальный орган, но, как известно, в афро-азиатскую группу входят две трети членов ООН, а это весьма внушительная сила во время голосований. Не исключено, что со временем наш представитель станет председателем четвертого комитета. Об активности нашей политики свидетельствует и тот факт, что ООН ряд своих семинаров проводила в Улан-Баторе.

— В чем главные причины успеха монгольской дипломатии?

— В том, что слово «дипломатия» мы понимаем не так, как его толкуют западные державы. Для нас оно означает приверженность следующим принципам: пролетарский интернационализм, дружба народов, нерушимый союз с СССР и братскими социалистическими странами, единство международного коммунистического и рабочего движения, торжество национально-освободительных революций.

...Сейчас, когда пишутся эти строки, Лувсандоржийн Тойв находится в Нью-Йорке, где он возглавляет делегацию МНР на XXIII сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

В ДЕЛИ ЕГО ЗНАЛИ ВСЕ

В конце пятидесятых годов мне довелось быть в Индии. Политическая жизнь Дели в те годы напоминала бурлящий котел. Грязная война США во Вьетнаме уже тогда окончательно перечеркнула Женевские соглашения. В странах «третьего мира» росли чувства тревоги и беспокойства. Натиску Запада они противопоставляли расширение сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Все чаще индийская пресса сообщала об успехах Монголии, требовала расширения связей с МНР.

Особняк в районе столичного парка Гольфлинкс, над которым уже реял в те годы флаг красного цвета с голубой вертикальной полосой в середине, стал местом паломничества журналистов, общественных и политических деятелей. Их любезно встречал посол МНР в Индии Мангалын Дугэрсурэн. Его часто можно было увидеть в правительственных учреждениях, публичных собраниях. Смокинг и костюмы для приемов «ленч», «коктейль», «диннер» сидели на Дугэрсурэне не хуже, чем на лощеных дипломатах, окончивших Итон и Гарроу, Гарвард или Принстон.

Иногда протокольный отдел МИД Индии устраивал для членов дипломатического корпуса прогулки на скакунах или экзотическую охоту в джунглях. Итонцы и принстонцы не знали себе соперников, пока в Дели не появился Дугэрсурэн. Им было трудно тягаться с человеком, который уже с семилетнего возраста одерживал победы на монгольских скачках и поражал на охоте любую цель с первого выстрела. Еще труднее им приходилось, когда Дугэрсурэн стоял у волейбольной сетки. Его однокашники по МГИМО из социалистических стран говорили:

— Мангалын наш чемпион. С его участием институтская команда одерживала не одну победу на московских студенческих соревнованиях.

С Дугэрсурэном я познакомился в здании индийского парламента. Ему тогда срочно требовалась советская газета «Труд». С тех пор он был частым гостем корреспондентского пункта «Правды». Мангалын Дугэрсурэн читал здесь те московские газеты и журналы, которые не получал у себя в посольстве.

Шло время. Посол Монголии приобретал все большую популярность в Дели. Он давал интервью местной прессе, ездил по стране, делал публичные заявления. Связи и контакты между Индией и Монголией расширились. В августе 1959 года Джавахарлал Неру объявил в парламенте, что по его приглашению в Индию с официальным визитом прибывает глава монгольского правительства Ю. Цеденбал.

Визит прошел успешно. Дугэрсурэн предпринял активные дипломатические шаги, чтобы нейтрализовать прозападные силы в Дели, которые противились этому визиту. Товарищ Ю. Цеденбал провел в Дели пресс-конференцию, совершил поездки в Калькутту, Бомбей, Бангалор, Агру.

«Наш дружественный визит в Индийскую Республику,— писал в газете «Унэн» Юмжагийн Цеденбал,— несомненно, послужил делу роста международного авторитета МНР как независимого и суверенного государства».

...Спустя девять лет в одном из кабинетов на улице Мира я снова встречаюсь с Дугэрсурэном. Бывший монгольский посол в Индии мало изменился, пожалуй, только чуть-чуть поредели на голове волосы и возле глаз пробежала еле заметная паутинка.

— Как сложилась ваша судьба, Мангалын, после возвращения из Индии?

— В 1963 году я был назначен министром иностранных дел. На этом посту находился до июля нынешнего года. Сейчас я постоянный представитель МНР в ООН.

— Значит, снова в политические бури?

— Да, работа предстоит серьезная.

— Ну, а как личная жизнь?

— О, произошли большие события,— говорит он с улыбкой,— семья увеличилась... Теперь у меня четыре дочери и сын...

СЛЕЗЫ МОНГОЛА

С председателем исполкома Федерации монгольских организаций мира и дружбы Адилбишем я впервые познакомился два года назад. Федерация в 1966 году принимала делегацию Советского комитета защиты мира, в состав которой я входил.

В одном из публичных выступлений Адилбиш сказал, что оставил в Советском Союзе часть своего сердца. В те дни мне не удалось с ним побеседовать. И вот новая встреча в Улан-Баторе...

Ровесник Великой Октябрьской социалистической революции, он начал учиться в тринадцать лет, когда в его родной скотоводческий сомон пришла коллективизация и народная школа. Учеба захватила Адилбиша. Ведь пришлось догонять своих сверстников, далеко ушедших вперед.

Сын арата знакомится с молодым советским специалистом Иваном Петровым. Эта встреча определила всю будущую жизнь Адилбиша. С помощью Петрова он получил профессию шофера, научился гово-

Н. Чултэм. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР.

П. Цэрэндорж. ПЕРЕД ВЫСТУПЛЕНИЕМ.

Ц. Жамсран. ВЕСНА НА ОРХОНЕ.

Р. Лхамсурэн. МОЙ ТЕЛЕНОЧЕК.

рить по-русски. А в это время как раз монгольский ревсомол направлял на учебу в Советский Союз молодых людей со знанием русского языка. Адилбиш стал студентом Московского университета трудящихся Востока.

Июнь 1941 года застал Адилбиша в Москве. Днем он участвовал в строительстве оборонительных сооружений, а ночью учился. Враг приближался к городу. Адилбиш горит желанием пойти добровольцем в ряды Красной Армии. Но все его просьбы наталкиваются на отказ. Тогда он направляет письмо на имя Михаила Ивановича Калинина, в котором заявляет, что не может стоять в стороне от битвы, в которой решаются судьбы всего человечества, а значит, и судьба монгольского народа. Ответ заставил его серьезно задуматься. В нем говорилось, что народная Монголия испытывает острую нужду в национальных кадрах и что учеба для монгольской молодежи — это тот же фронт. Спустя некоторое время молодым монголам было предложено вместе с университетом эвакуироваться из Москвы. Одна мысль будоражила Адилбиша, мысль, что ему не скоро еще удастся вновь увидеть Москву.

Никто не видел веки монгольского мужчины влажными — об этом повествуют все народные былины и сказания Монголии. Но в тот октябрьский день 1941 года глаза молодого монгола повлажнели. Впрочем, в тот день шел сильный дождь...

Закончилась учеба, прошла пора юности. Адилбиш на ответственной работе в профсоюзах, в Центральном Комитете МНРП, и вдруг неожиданность! Великий Народный Хурал назначает Адилбиша послом Монголии в Москву!

И вот он снова едет в столицу Советского Союза, едет полномочным представителем своего народа. Как жаль, что до этих дней не дожил Михаил Иванович Калинин! Ведь Адилбиш ему бы вручал свои верительные грамоты.

— Вы не представляете,— рассказывает Адилбиш,— как я волновался. Я обошел все места Москвы, связанные с тревожными днями моей юности... Затем я был послом в Венгрии, Индии. А год назад вместе с советским народом праздновал 50-летие Октября... На могилу Неизвестного солдата положил букетик монгольских цветов в память о тех, с кем я жил в Москве в суровый 41-й год, в память о первом русском друге Иване Петрове...

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВСЕГДА МОЛОДЫ

Цэрэндорж — один из самых молодых дипломатов Монголии, которому довелось быть послом, а также дуайеном дипломатического корпуса в Ханое. Он однофамилец первого министра иностранных дел Монголии, участвовавшего вместе с Сухэ-Батором в исторической встрече с В. И. Лениным.

Во время пребывания Цэрэндоржа в ДРВ Соединенные Штаты начали преступную эскалацию агрессии против вьетнамского народа. Както, будучи дуайеном, он возглавил поездку членов дипломатического корпуса в один из населенных пунктов ДРВ, подвергшихся варварским воздушным налетам.

— Я увидел ужасную трагедию,— говорит Цэрэндорж,— разбитые дома, школы, ясли, больницы, трупы женщин, детей, стариков, обожженных напалмом. Но я обратил внимание и на другое—на свалку разбитых американских самолетов. Да, советский народ оказывает эффективную помощь братскому вьетнамскому народу, и люди из Ханоя, Хайфона и других городов ДРВ, с которыми мне приходилось беседовать, это хорошо понимают.

В истории Монголии были дни, когда она тоже становилась жертвой иностранной агрессии. Вспомните хотя бы Халхин-гол. А спустя шесть лет ее территориальной целостности снова угрожала милитаристская Япония. Во всех случаях вместе с монголами плечом к плечу сражались бойцы Вооруженных Сил Советского Союза.

За участие в боях по разгрому квантунской армии Японии Указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1945 года маршал Чойбалсан был награжден орденом Суворова 1-й степени, ордена СССР получили еще 20 отличившихся генералов и офицеров Монгольской народно-революционной армии, в том числе генерал-лейтенант Лхагвасурэн.

Сегодня товарищ Лхагвасурэн — министр обороны Монголии. Он родился в 1912 году в юрте бедного арата. В ряды монгольской армии вступил почти в первые дни создания народной республики. Закончил в Москве Военно-политическую академию имени Ленина и академию имени Фрунзе.

В кабинете министра висит политическая карта мира, портреты его боевых соратников Чойбалсана и Цеденбала, у другой стены — большой книжный шкаф. Дверцы его закрыты.

— Можно познакомиться с вашей библиотекой?

—Это не библиотека. В шкафу мой личный архив. Хочу подвести итоги боевой жизни. Пишу мемуары. Первая книга уже готова. Она выйдет в свет на монгольском и русском языках через год.

Министр обороны подходит к шкафу, открывает дверцу и вынимает объемистую папку с рукописями. Книга озаглавлена: «Боевой путь Монгольской народной армии». Открываю первую страницу и читаю: «Посвящается братской, нерушимой дружбе воинов монгольской и советской армий, светлой памяти бойцов и командиров, отдавших свою жизнь за нашу родину».

— В Монголии,— говорит министр обороны,— как вы убедились, существует вполне действенная дипломатическая служба, но наша армия тоже немаловажный фактор, стоящий на страже суверенитета Монголии, на страже всеобщего мира. Я хотел бы через ваш журнал сказать следующее: воины Монголии в едином строю братских армий готовы с честью выполнить свой долг перед народами братских социалистических стран во имя мира во всем мире...

...Где бы я ни был в Монголии, с кем бы ни беседовал, всюду видел честных, смелых, трудолюбивых, духовно богатых людей.

Улан-Батор — Москва.

Халхин-гол

Это было давно, 29 лет назад. На пустынных барханах Восточной Монголии, там, где в озеро Буир-Нур несет свои чистые и светлые воды глубокая и быстрая река Халхин-гол, разыгрались грозные события. О них в свое время были сложены песни, стихи, легенды, но — память человеческая несовершенна — многое уже забыто, многое стерлось. Халхин-гол представляется где-то в туманной дымке. Но здесь была обильно пролита кровь советских и монгольских воинов, здесь гремели тысячи орудий, танки и броневики вздымали тучи песчаной пыли, неся с собой огонь и смерть, сотни самолетов бороздили воздух, наплывая волнами, сталкиваясь в стремительных схватках.

Сейчас в этих местах тихо, только ветры гуляют в степных просторах да орлы взмывают при виде случайной машины, пахнет травами, диким чесноком, и несметные полчища комаров ждут случая напасть на путника.

И только воинские памятники, много памятников, сложенных из камня и снарядных стаканов остались документами отгремевших событий...

Халхин-гольские бои 1939 года не были случайным пограничным инцидентом. Здесь японская военная клика разыгрывала свой план дальнейших империалистических захватов. В своем докладе на имя штаба квантунской армии генерал Мацумура писал: «Основываясь на точке зрения империи и ее большой континентальной политике, после захвата Маньчжурии необходимо продолжать захват Монголии». Небезызвестный в свое время генерал Араки развивал эту мысль еще дальше: «Япония не желает допустить существование такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферами влияния Японии Маньчжурией и Китаем. Монголия должна быть, во всяком случае, территорией, принадлежащей нам».

Один из идеологов японского империализма, Хадеказе, доказывал: «По единодушному мнению военных экспертов, наступление Японии на СССР через Внешнюю Монголию будет успешней, чем через Маньчжурию».

Японцы опирались на разветвленную сеть железных дорог. Наша ближайшая железнодорожная станция находилась в 750 километрах от театра военных действий, что создавало большие трудности. Даже дрова и те надо было доставлять за 500 километров. Первое время японцы значительно превосходили численностью и вооружением советские и монгольские войска. Казалось бы, все благоприятствовало замыслам коварного врага. Но в июльских боях у горы Баин-Цаган советские войска нанесли японцам первое сокрушительное поражение, которое по справедливости было названо побоищем, а в двадцатых числах августа вся 6-я армия генерала Огису Риппей в составе двух дивизий с приданной им артиллерией, двух танковых полков, смешанной бригады Манчжоу-Го, трех кавалерийских полков баргут была разгромлена вдребезги, захваченная японцами территория Монголии очищена полностью, советско-монгольские войска вышли к границе и заперли ее на железный замок.

Командующий халхин-гольской армейской группой, тогда еще известный только в военных кругах генерал Г. К. Жуков хитроумно и тонко провел операцию, обеспечив ее внезапность, превосходство сил на решающих участках, быстроту действий. 22 августа, через два дня после начала сражения, наши фланги соединились у Номун-Хан-Бурд-Обо, японцы оказались в кольце, которое им так и не удалось прорвать.

Бои были жестокие, японцы сопротивлялись отчаянно, то и дело [illegible]

По самым скромным подсчетам, в халхин-гольских боях с мая по сентябрь японцы потеряли 55 тысяч солдат и офицеров, из них убитых не менее 25 тысяч. Самый большой урон был нанесен врагу в последнем, решающем сражении.

Захваченные трофеи — тяжелые и мелкокалиберные орудия, минометы, пулеметы станковые и ручные — выстраивали в бескрайней степи длинными шеренгами, целую армию можно было вооружить ими!

Победа! Реальная ощутимая, наглядно зримая!

В дневнике убитого японского фельдфебеля 64-го пехотного полка Канэмару была обнаружена запись: «Императорские войска стали пушечным мясом, мы не могли устоять перед огромной техникой и силой советско-монгольских войск... Сегодня бой был ужасный. Не вижу выхода...»

У реки Халхин-гол японцам был преподан суровый урок. Кто знает, как пошла бы дальше история, если осуществились бы вожделения Араки и иже с ним! Во всяком случае, когда Япония вступила в мировую войну, она начала разыгрывать «южный вариант», «северный» ей показался не по зубам.

В дымке прошедших лет вспоминаются герои Халхин-гола, с которыми приходилось встречаться. Какие это были славные, мужественные люди! Запомнился мне красноармеец Петр Ерошкин, молоденький парнишка, с веснушчатым лицом и наивными глазами подростка. В штыковом бою он заколол пять неприятельских солдат и рассказывал об этом так, словно речь шла о привычной крестьянской работе. Встает у меня перед глазами Сергей Грицевец, великолепный летчик, красавец с сияющей, белозубой улыбкой. Один из его подвигов был на устах у всех халхингольцев. Его командир Забалуев был сбит в бою, выбросился на парашюте и оказался вблизи города Ганьчжура, на маньчжурской территории. Грицевец посадил самолет рядом с Забалуевым, кое-как втиснул его в свою одноместную машину и на глазах растерявшегося противника вывез командира. Едва ли не каждый день Грицевец был в бою. И, возвращаясь на родной аэродром, неизменно говорил: «Денек был интересный». Это означало, что на его счету прибавилось несколько сбитых самолетов. До сих пор в памяти Андрей Ермаков, секретарь партбюро батальона, неторопливый, спокойный человек, из уральских рабочих, с круглым пермским говорком. Всю кампанию он провел в боях, штурмовал сопку Песчаную, отбивал атаки японцев, находясь в рядах спешившегося кавалерийского эскадрона, неоднократно ходил в трудные ночные разведки, а когда рассказывал о себе, смущался и добавлял: «В общем, ничего выдающегося не было...»

И уж, конечно, запоминалась редакция «Героической красноармейской» — боевой халхин-гольской газеты, расположившейся в юртах недалеко от Баин-Бурта, где создалась крепкая, дружная журналистская семья.

Ник. КРУЖКОВ

ПОЗИЦИЯ... НО КАКАЯ?

Вл. РАЗУМНЫЙ,
доктор философских наук,
профессор

В пылу полемических споров не допускаем ли мы иной раз ошибку, противопоставляя современную советскую кинематографию, скажем, кинематографии тридцатых годов?..

На наш взгляд, достаточно назвать всего лишь несколько фильмов, продолжающих и развивающих традиции предшествующего периода, чтобы опровергнуть подобную позицию. Так, картина «Война и мир», по справедливости признанная шедевром зрителями многих стран мира, является уникальным созданием советского искусства кино по масштабности, уровню мастерства, силе образности. Быть может, менее известны широкому зрителю в стране и за рубежом фильмы «Незабываемое» и «Железный поток», произведения советской кинематографии самого последнего времени. Но ведь и они достойны быть поставленными в один ряд с лучшими фильмами прошлых лет.

Думается, многое зависит от «угла зрения». От отношения критики к кинематографическому процессу. Точнее, от того, как будет встречено появление нового фильма журналом «Искусство кино».

Нельзя сказать, что редакция этого журнала вовсе не замечает, обходит молчанием удачи больших мастеров, отстаивающих в своем творчестве принципы реализма, народности и партийности, успешно развивающих традиции социалистического кинематографа. Нет, на страницах «Искусства кино» им всегда бывает отдана необходимая дань. Но редакция, как можно судить по направлению ее работы, меньше всего заботится о том, чтобы картины большого, истинно народного звучания занимали ведущее место в современном искусстве кино, определяли бы самый его облик.

Критерием для определения творческой высоты новых фильмов здесь чаще всего служит не успех у зрителей, а как раз наоборот — «мода», навеянная западными «образцами» с их модернистской невнятицей, пессимизмом и отчаянием, с их неумением увидеть в окружающей жизни Человека с большой буквы, героя, неразрывно связанного со своим народом, борца за счастье и благополучие людей. Именно такие-то «модные» — пусть не принятые зрителем — фильмы как раз и находятся в центре внимания журнала «Искусство кино». Они считаются здесь истинными выразителями современности, ее требований. Причем подобная точка зрения уже много лет буквально навязывается читателям журнала в статьях и рецензиях.

Кинокритика, являющаяся творческой опорой журнала «Искусство кино», не упускает случая «пожалеть» современника, посетовать о его «бедах». Следуя поговорке, она умудряется превратить Павла в Савла даже в тех случаях, когда рецензируемый «Искусством кино» фильм говорит о трудных исканиях героя, стремясь выявить за ним и силу коммуниста. Я имею в виду фильм «Твой современник» и статью Я. Варшавского «Ни слова против совести».

Я. Варшавский считает, что каждый из Губановых — во всех поколениях — интересует создателей фильма лишь тогда, «когда берет все на себя», подобно героям фильмов «Коммунист», «Баллада о солдате», «Жестокость», «Суд», «Большая руда»...

> «Что это — гражданственность в одиночку? — спрашивает Я. Варшавский. — Робинзонады общественных стихий? Ни в коем случае одиночество главным персонажам этих фильмов не грозит но в решительную минуту они верят — как Губанов-старший, — что и один в поле воин».

Вот так... Хоть и не грозит героям одиночество, но все же надеяться каждому из них приходится только на себя одного; поэтому его и подбадривают: мол, и один в поле воин, не унывай, брат, держись!..

Рыдая над оторванными от Большой земли (?) «воинами-одиночками», автор предпринимает сомнительную попытку сблизить черты выдуманного им «героя» с героями, ставшими достоянием истории.

> «Можно было бы сказать, — пишет Я. Варшавский, — что и Павел Корчагин выступает человеком личных решений и Олег Кошевой потряс человеческие души тем, что ниоткуда не ждал указаний... »

Сказать, конечно, все можно. Но спрашивается, что сказать и зачем сказать?.. Разве только для того, чтобы исподволь подвести читателя к мысли, что **разрозненность** человеческих усилий, их **случайность** составляет некую суть окружающей нас действительности, реальности?..

> «Раскройте сегодня газету, — убеждает нас автор статьи, — и вы встретитесь с десятками подобных проблем, возникших именно в нашем обществе, — их решение невозможно без участия честной доброй воли, то есть без голоса совести, как бы там ни старались, что бы ни изобретали инженеры, экономисты, юристы. »

Здесь-то и видит Я. Варшавский основу успеха и фильма и образа Губанова, который якобы сыгран Игорем Владимировым как человек «легкий, склонный к розыгрышам и другим легкомысленным поступкам»...

Не пытаясь даже раскрыть предложенные авторами фильма мотивы решения образа, критик категорически утверждает, что в Губанове говорит **всего-навсего «порядочность или — что привычнее — гражданственность».**

Но не слишком ли привычной стала теперь пресловутая «гражданственность»? Стала — с легкой руки некоторых критиков понятием весьма растяжимым!.. Оказывается, в иных случаях она очень удобно «заменяет» единственное и неповторимое качество большевика, ленинца — его подлинную партийность.

Зрителей, бесспорно, подкупила в Губанове наступательность, принципиальность коммуниста. Но отнюдь не эти качества выявляет в образе профессиональный критик. В заключительных фразах своей статьи Я. Варшавский вновь навязчиво повторяет: «И один в поле воин...», — ссылаясь теперь уже на женские образы — Анюты в «Коммунисте» и Кати Чуриковой в «Твоем современнике». Хотя ведь простая арифметика могла бы подсказать Я. Варшавскому, что двое — уже не один!.. Кстати, именно такие «простые» вещи в большинстве случаев и разбивают вдребезги все хитроумные критические ходы и построения, предпринимаемые многими авторами «Искусства кино».

Разберем еще одну статью. Она довольно точно называется: «Вокруг картины «Июльский дождь». Именно — «вокруг»!.. Хотя «круги» эти автор статьи Н. Зоркая совершает даже не столько «вокруг», сколько «около» фильма «Июльский дождь». Совершает с единственной целью: во что бы то ни стало доказать, что «фильмы Хуциева — это фильмы о нашем современнике в самом прямом смысле слова».

По мнению Н. Зоркой, Марлен Хуциев принадлежит к тем советским кинематографистам, кто с помощью камеры стремится

> «непосредственно запечатлеть сегодняшний день схватить духовную атмосферу общества, воссоздать некий коллективный портрет, слепок, отпечаток если не общества в целом то определенной общественной среды»

Цель, как видим, самая благородная!.. И если вспомнить «Весну на Заречной улице» — действительно многообещающую картину молодых кинорежиссеров М. Хуциева и Ф. Миронера, посвященную становлению духовной жизни советского рабочего, его чудесному внутреннему росту, — то каких же высоких откровений вправе были мы ждать от кинорежиссера, вступившего ныне в пору творческой зрелости!

Однако кинокритика, ее лесть, ее неумеренные похвалы в дальнейшем не помогли, а помешали этому росту. Путь, и впрямь столь интересно и серьезно начатый М. Хуциевым в нелегком искусстве кино, самым наглядным образом позволяет понять, какими пагубными оказываются различные «модные» западные влияния. Речь идет не об утрате собственного «почерка», собственной «манеры» — они, пожалуй, у М. Хуциева сохранились. Но зато все заметнее, все огорчительнее **утрачивает он в своих фильмах образ подлинного героя, подлинного современника.** А вне переживаний личности, созидающей нашу советскую жизнь, выразить образ современности, нарисовать духовную атмосферу нашего общества, показать коллективный его портрет (все это взято из обещаний Н. Зоркой) — увы! — немыслимо.

В фильме М. Хуциева «Мне двадцать лет» замысел режиссера — отразить свою эпоху — самым плачевным образом разошелся с воплощением. Скучными, серыми предстали «герои»: трое парней, погруженных в свои унылые будни. Им не удается хоть сколько-нибудь заметно возвыситься над «повседневностью бытия». В фильме запоминается разве что крохотный эпизод, где встречаются отец, убитый на войне, и сын — нынешний парень. Оба — двадцатилетние.

А «Июльский дождь» М. Хуциева и А. Гребнева — о чем он?

Построенная на «модной» невнятице — «под Антониони», картина заставляет зрителя на все лады гадать о сюжете.

В статье Н. Зоркой приводятся эти зрительские догадки. Они по необходимости тоже идут «вокруг» фильма: тут уж ничего не поделаешь; добиваясь символичности, многозначительности картины, ее авторы больше оставляют недосказанным, чем говорят

Вот одна из таких догадок.

> «Июльский дождь» фильм о нашей ответственности друг перед другом . Если мы не чувствуем этой ответственности, значит, жди подлости и в малом и в большом» (учитель литературы В. Роденберг).

А вот еще.

> «Это фильм о внутренней человеческой культуре. Ты можешь носить модные вещи петь модные песни, танцевать новые танцы. но если для тебя это основная сторона жизни если нет того. что можно назвать идейностью, принципиальностью то грош тебе цена, и все равно ты мещанин» (А Канович. студент, член киноклуба «Кадр»)

А следующий оппонент прямо заявил, что если герой фильма Володя — мещанин, то отвергающая его Лена «должна быть более думающим человеком». А в характере Лены есть «что-то пассивное». И далее:

> «Что-то в Лене есть холодное, непривлекательное... Я считаю, что в фильме ничего существенного, никаких особых перемен ни в ком не произошло. А раз так, то теряется интерес, вера в происходящее»

Иначе говоря, зритель **развенчивает** мнимую значительность «символов» фильма.

Как же связывает воедино Н. Зоркая противоречивые зрительские догадки — мысли, свидетельствующие прежде всего об уклончивости, зашифрованности, неопределенности и замысла и воплощения? Связать это все поистине невозможно! Поэтому критик пространно комментирует неясные ситуации фильма, сообщая, как бы между прочим, что теперь герои повзрослели — им уже не 20, а под 30 лет. И они «уже не решают, а как бы **перерешают** свою жизнь. И это очень существенно».

Вы, естественно, захотите узнать: **в чем же смысл этого «существенного» перерешения!** Но вам просто скажут, что

> «два года разделившие даты выхода фильмов **изменили режиссера и его зрение,** а вслед за тем незаметно

> изменялось настроение картины... Лирическое волнение прошлой картины все чаще уступает место более тревожным, горьким интонациям».

Естественно, вас вновь заинтересует, о чем же так горько тревожится М. Хуциев... Однако же Н. Зоркая и так, наверное, сказала всеми этими намеками больше того, чем хотела. И она вдруг делает неожиданный вывод:

> «Не застой, а динамика, не болезнь, а духовное здоровье — вот климат картины, хотя она говорит и о явлениях болезненных. Нравственные поиски общества — а о них фильм — всегда залог [illegible]

Что же это за «нравственные поиски»? И кто здесь наше общество представляет? Володя и Лена?.. Так ведь Н. Зоркая сама вынуждена признать, что они оба

> «неполны и неярки как характеры, как личности, как пластические портреты...»

Тогда где же обещанный нам «коллективный портрет общества...» Где его «атмосфера»?..

Правда, в самом начале статьи автор предупредил нас, что «история отношений героев — Лены и Володи — лишь первый слой, лишь повод для раздумья». Речь в фильме пойдет не столько о Лене и Володе, сколько о том, «пре-[illegible]

А уж вот теперь нам подсказывается и ответ: живем неправильно. Подсказывается, между прочим, еще и ссылкой на особенности письма «с натуры», свойственные М. Хуциеву; на его своеобразную манеру — некий присущий ему «современный документализм».

> «В своем современном документализме (если понимать это слово и широко, и условно, как непосредственное изображение жизни, сегодняшнего дня) Марлен Хуциев идет по малохоженым дорогам»,— сообщает нам критик.

Но, коль скоро «малохоженые дороги» сами по себе безоговорочно причисляются к «документализму», то, значит, и сама жизненная достоверность фильма уже заранее считается доказанной! Хотя надо ли оговаривать, что и в фильме и в статье налицо явное смешение «факта» и «фактика». Смешение жизни народа, идущей в ее масштабном, объективном выражении, и тех якобы «жизненных» явлений, которые произвольно выхвачены М. Хуциевым из реальности и возведены в ранг модной «документальности».

Нельзя не обратить внимания, что это смешение является заметной тенденцией журнала «Искусство кино». Редакция весьма старательно насаждает в советской кинематографии «моду» на бессюжетную документальность. Насаждает всячески: либо восхваляя отказ авторов фильма от сюжета, либо же прямо объявляя сюжет, самое следование принципу сюжетности неким анахронизмом.

Прочтите, например, следующие строки.

> «Сейчас в искусстве, мне кажется,— пишет в № 6 «Искусства кино» за 1968 год А. Володин.— происходит инфляция искусственных концепций (то есть сюжета.— В. Р.) и повышение ценности факта, документа, непредвзятого наблюдения... Оттого и художественный кинематограф начинает размежевываться, с одной стороны, пробиваясь к берегу непредвзятого наблюдения, с другой — к праздничным берегам сказки, притчи, гротеска»

Это «теоретическое» откровение прямо направлено против сюжета, основы основ искусства социалистического реализма как движения, роста и развития характеров, их взаимоотношений, их борьбы, рождающей конфликт и позволяющей нам судить о жизненной позиции героев,— об их облике.

Ничего такого, разумеется, не требует ни искусство «гротеска», «притчи», «сказки», ни искусство узкого факта, который сперва пойман в объектив кинокамеры, а затем представлен как документальное, неопровержимое обвинение нашей жизни!.. В чем обвинение? Да в чем угодно! Лишь бы было «документально», остальное приложится.

Рецензия А. Володина на фильм «18 моих мальчишек», превозглашающая господство факта, документа, озаглавлена так: «Вы что, верите в прогресс?»

Мысль излагается насмешливо и небрежно, на этаком дерзком полунитиме: «Если я верю в прогресс, то, значит, я недалекий человек». Это авторское признание «обосновано» следующим образом. Знакомая девушка, заподозрив, что автор может верить в прогресс, удивилась. А он — по крайней мере до сих пор — и правда верил!

> «Особенно не задумывался на эту тему, но верил автоматически. Однако вот она удивилась, и я вдруг подумал. «А атомная бомба? И вообще, земной шар ведь остынет, и человечество, постепенно вырождаясь, рано или поздно погибнет!» Я сознался, что верил в прогресс. Перевоспитывать меня собеседница не стала, но мое убеждение заколебалось само по себе...»

Прикрываясь этими опять же вокруг и около фильма идущими, совершенно невнятными рассуждениями, А. Володин дальше высмеивает, причем довольно внятно, некую «идейную женщину», видимо, работника заводского отдела кадров, которая в фильме задает молодому рабочему вполне резонные вопросы: «Вот дальше как ты думаешь жить?.. В твои годы люди защищали Советскую власть».

Есть ли тут повод для злой насмешки? Ведь в фильме нам сказали о прогулах рабочих, так разве не следует об этом тревожиться?! Ведь и смысл фильма в том, что 18 молодых рабочих, которые раньше тоже относились к своему делу, что называется, спустя рукава, теперь хорошо работают в бригаде бывшего полковника, а ныне слесаря Степана Степановича Витченко, нашедшего общий язык со своими «мальчишками»... Но как же путано, с какими странными экивоками говорится об этом в рецензии А. Володина, который, как видим, ухитряется исказить даже и документальный фильм!

Восторгаясь «объективностью документализма», режиссер Ю. Герштейн в № 6 за 1968 год излагает по этому поводу мысли по меньшей мере спорные. Ну, например:

> «Волшебство старой хроники в ее как бы непреднамеренности, объективности — это слово почему-то до сих пор вселяет страх, хотя все отлично знают, что один и тот же кадр может быть использован в интересах различных идеологий!»

Но разве истинная объективность — которая действительно потрясает в «старой хронике»,— является результатом такой вот «как бы непреднамеренности»?! Нелепость подобного утверждения очевидна! И, видимо, догадываясь об этом, Ю. Герштейн тут же и открещивается от возможного упрека в проповеди объективизма.

> «Объективность кинодокументалиста,— говорится в его статье,— не есть беспристрастность это прежде [illegible] сложности происходящих в жизни общества процессов. Поэтому снимать надо не только созидание, но и бедствия, не только достижения, но и недостатки...»

Ну, а как же тогда свести концы с концами? Как объективно выразить самый процесс?.. Не волнуйтесь, успокаивают нас. Мастер, творящий в искусстве, природа искусства сами себя найдут и сами себя выразят!..

Как же далеко тут до настоящей идейности, до того целенаправленного отбора фактов с позиций передового, научного мировоззрения, которыми всегда отличались наши кинодокументалисты!..

Подобные статьи, видно, тоже пишутся по хорошо освоенному «методу» желанной бессюжетности. Поэтому нечего искать в них логику или последовательность мышления. Зато уж, встретившись с нормально-сюжетным фильмом, критики «Искусства кино» обрушат на него все громы небесные! И прежде всего, конечно же, обвинят в архаизме, примитивности и серости — в отсутствии той самой «интеллектуальности», которую, подобно ребусу, зрителю надо в картине самому «открывать» и разгадывать.

Помните картину «Цыган»? Критика этого фильма типична для «Искусства кино». Открытое благородство характеров героев презрительно именуется «сентиментальностью»; «недостаточно тонкая» якобы экранизация вообще заставляет критика С. Михайлову «задуматься о вкусе, об авторском такте»! Она считает, что в картине «Цыган» все предстало на экране «слишком овеществленно и грубо, чтобы быть исследованием чувств, излишне слезливо, чтобы стать драмой».

Столь же высокомерно, пренебрежительно бегло оцениваются фильмы «Измена» (Таджикфильм, режиссер Т. Сабиров); «Восточный коридор» (Беларусьфильм, режиссер В. Виноградов), «Кто вернется — долюбит» (режиссер Л. Осыка, киностудия имени А. П. Довженко) и многие другие.

Иногда кажется, что редакция работает на основе весьма зыбкого вкусового принципа: «нравится — не нравится». Но это не так. Позиции журнала изложены в статье Г. Куницына «Искусство и политика», опубликованной в № 4 за 1968 год.

В начале этой статьи автором сказаны вполне справедливые слова о необходимости точной политической направленности в работе деятелей советского искусства. Но вот вопрос: можно ли назвать «точной» ту «направленность», которая лишь постепенно вырисовывается из того, что пишет Г. Куницын? А пишет он, как ни странно, об угрозе «односторонности», которая будто бы возникает порой и у некоторых слоев победившего [illegible]

«Всякий класс, добившийся господства, естественно, склоняется к самодовольству». Эти слова Г. Плеханова приведены Г. Куницыным ради доказательства той его ведущей мысли, что ныне главная опасность — это и есть самодовольство, мелкобуржуазность, «против которой должны держать порох сухим победивший пролетариат и его партия».

Но какое отношение имеет все это к киноискусству, может спросить читатель. А вот, смотрите сами.

> «Именно социальное самодовольство, не имеющее ничего общего с марксизмом-ленинизмом, враждебное ему,— пишет Г. Куницын,— привело к тому, что немало людей у нас стало видеть в искусстве только забаву, развлечение «после служебных тягот», а не острейшее оружие в борьбе за комму-[illegible]

Вот что получается!.. Оказывается, некие самодовольные «удачники на час», охраняющие себя от острой критики недостатков и стремящиеся лишь «развлекаться в кино», желают иметь некое «охранительное» киноискусство. Охраняют они себя от критики, и поэтому «все, что говорится критического по их адресу, они явно демагогически переносят на революцию и коммунизм»,— пишет Г. Куницын.

«Теоретизирование» Г. Куницына разрешает журналу еще больше укрепиться в излюбленной им позиции — неприязненного, критического отношения к нашей действительности. Восхваление всех фильмов, рисующих в черном свете советскую жизнь, советский народ, получает, пусть весьма путаное, но все же некое «обоснование»!

Из домыслов Г. Куницына следует, что возражать против негативного искусства будут только мелкобуржуазные элементы. Те «удачники на час», которые пробрались в партию ради своих корыстных целей!

Чего-чего только не вспоминает Г. Куницын, о чем только не пишет, «оснащая» свою статью! Тут и китайские догматики, и цитаты из давно забытой пьесы Зудермана «Цветочный челн», и ссылки на Луначарского, и снова Плеханов... Но вряд ли вся эта словесная эквилибристика заставит читателей поверить, что «сложная наша история» будто бы сама привела к такому положению, при котором некоторые черты троцкистской мелкобуржуазности «внедрились в сознание известной части населения, наиболее легко подвергавшегося воздействию культа личности».

Недавно кинокритик Л. Погожева выступила с большой газетной статьей, по справедливости начав ее словами о «тревоге», будто бы появляющейся у нее «по разным поводам»: и тогда, когда она смотрит «все фильмы подряд, без выбора», и тогда, когда она думает «о темах, проблемах, образах, которые возникают в фильмах, созданных подчас талантливыми мастерами»...

Возражать против подобной тревоги, разумеется, никто не станет: ее появление, особенно у Л. Погожевой, вполне закономерно! Удивляет другое. Почему же никак не реализует эту свою тревогу Л. Погожева, будучи главным редактором журнала «Искусство кино»!..

Не пора ли Комитету по кинематографии при Совете Министров СССР и Союзу кинематографистов СССР обратить серьезное внимание на позицию журнала «Искусство кино»?

ОСТАНОВИТЬ РАСПРАВУ!

Ньоно.

Судисман в кругу семьи.

Миру известно, что за последние три года Индонезия превратилась в кровавое поле расправ над сотнями тысяч верных сынов и дочерей индонезийского народа. Реакция последовательно и жестоко творит свои злодеяния, и ее жертвами становятся честные патриоты. Она продолжает обрушивать смерть и репрессии прежде всего на коммунистов Индонезии.

Сейчас, когда пишутся эти строки, смертная казнь ожидает еще одну группу коммунистов, среди которых находятся члены Политбюро ЦК Коммунистической партии Индонезии товарищи Ньоно и Судисман. Мы печатаем здесь портреты этих двух мужественных людей. Реакционеры стремятся свести счеты с товарищем Ньоно, верным защитником интересов трудящихся своей страны, они желают навсегда прервать жизненный путь товарища Судисмана, путь борца, и оставить сиротами его детей. Черным силам Индонезии, солидаризирующимся с империализмом, нужны новые и новые жертвы.

Антикоммунизм, преследование демократов, уничтожение лучших представителей народа по идеологическим мотивам — вот к чему привела Индонезию реакция.

Эти расправы вызывают гнев и возмущение всех прогрессивных людей земного шара. Советские люди клеймят позором преступления против своих индонезийских братьев по классу

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза сделал заявление, в котором от имени миллионов коммунистов и всего советского народа заявил решительный протест против готовящейся расправы и потребовал отмены смертных приговоров товарищам Ньоно, Судисману и их товарищам.

С гуманным призывом сохранить жизнь осужденным к Президенту Республики Индонезии обратился Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

На индонезийской земле пролито много крови. Новые казни могут радовать лишь тех, кто не задумывается об истинных национальных интересах своей страны, кто хочет осложнить отношения между Индонезией и социалистическим миром, кто стремится угодить международной реакции.

Задуманное злодеяние не должно свершиться! Топор палача, занесенный над коммунистами и патриотами, не должен опуститься!

20 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РАБОТНИКОВ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

КОНФЕТЫ ПРОТИВ БОЛЕЗНИ

Московская фабрика имени Марата выпускает самое разнообразное драже — изюм в шоколаде, простенькое, недорогое фруктовое...

Самая же интересная продукция фабрики — конфеты-лекарства. Такая «фармакологическая» направленность предприятия не случайна: высокая культура труда, квалифицированные кадры — это позволяет осваивать и выпускать серийно самую сложную продукцию. 134 работника фабричного коллектива трудятся тут более чем по пятнадцать лет каждый. Специалисты здесь отличные, знаний и опыта им не занимать, а потому и дела им поручают особой сложности — необычные дела для кондитерской фабрики. Начали тут, к примеру, массовый выпуск витаминизированных конфет для спортсменов. Фабрика — монополист в производстве противополиомиелитного драже. Маратовское драже заметно облегчает вакцинацию маленьких пациентов.

Но не только на полиомиелит ведут наступление московские кондитеры. Драже с морской капустой — пожалуйста. Витаминизированные шарики — А, В, С... Не конфета? Пробую — вкусно, сладко. Конечно, конфета! Да и продают ее не в аптеке, а в кондитерском магазине. Показывают авторское свидетельство — на способ производства драже с вакциной. Прежде делали болезненные, трудно переносимые уколы. А теперь — приятное на вкус драже. Эффективность? Та же, что при старой методике введения лекарства. Иначе бы не посчитали изобретением.

К. КОСТИН

Этот снимок сделан в одном из цехов фабрики. У расфасовочных аппаратов Н. Крозаева и Т. Котикова.

Фото К. Каспиева.

ЕКСИКАНСКАЯ СИМФОНИЯ

Начало см. на стр. 6.

столом с двумя мексиканцами. Узнав, [illegible] русские, они немедленно спросили, как [illegible]нравилось открытие Олимпийских игр.

— Муй бьен,— сказали мы.— Очень хорошо.

— Мучас грасиас. Большое спасибо,— поблагодарили нас мексиканцы.

Что оставалось нам делать?

— Мучас грасиас,— сказали мы...

И это было сказано от всей души.

АФРИКА НА ВЫСОТЕ

Оканчатся XIX Олимпийские игры. Снова соберутся на одном стадионе все участники этого грандиозного спортивного праздника. Много, очень много волнующих, незабываемых событий промелькнет перед нами за эти дни, но думается нам, что первый день спортивной борьбы на олимпийском стадионе никогда не забудется.

В этот день вступили в борьбу представители девяти видов спорта, но бесспорно, что именинниками были легкоатлеты, а если говорить точнее — бегуны. Да, 13 октября в Мехико был праздник бега. Его начали рано утром спринтеры, а завершили вечером бегуны на 10 000 метров. И что сразу бросилось в глаза — триумф сынов Африки. Один за другим выиграли они свои забеги на 100 метров. Потерпели неудачи многие известные спринтеры. К сожалению, среди них оказались и наши бегуны. Только В. Сапее удалось попасть в четвертьфинал, но там, взяв отлично старт, он не выдержал тяжелого испытания и финишировал лишь шестым. В дальнейшей борьбе за золотые медали наши три молодых спринтера не смогли принять участие, а мы еще раз убедились, что наш спринт все еще не на высоте.

Тяжело, конечно, быть свидетелем неудачи, хотя каждый в душе был готов к ней. Ведь и первые просветы в спринте наметились лишь в нынешнем году, и мы верим в возможности В. Сапеи, Е. Силаева, А. Хлопотнова (и даже не теряем надежды увидеть их успешное выступление в эстафете). Они своего слова еще не сказали. Другое дело — стайеры. Тут мы подходим к беговой дорожке с другой меркой. Мы не забыли блестящие выступления В. Куца в Мельбурне, П. Болотникова в Риме, и хотя на смену им и не пришли бегуны таких же возможностей и в Токио наши стайеры ничем нас не обрадовали, но здесь, в Мехико, мы ждали счастливого старта и для В. Аланова, и для Н. Свиридова, и для Л. Микитенко. Ждали их удачного выступления вопреки высоте 2 240 метров, вопреки всем прогнозам, гласящим, что победа в беге на 10 000 метров ждет тех спортсменов, которые всегда живут на такой высоте. Да и без этих особых мексиканских условий, чтобы победить на десятикилометровой дистанции, надо было оказаться сильнее таких «невысотных» бегунов, как мировой рекордсмен Р. Кларк, серебряный призер Токийской олимпиады тунисец М. Гаммуди и многих других.

Увы, и на дистанции стайерского бега нас ждали разочарования. Самоотверженно проведший бег Н. Свиридов, от начала и до конца остававшийся среди лидеров, финишировал лишь пятым, не получив поддержки своих товарищей...

Мы написали «лишь пятым» и подумали: «Да, он был пятым, но первым среди всех европейских бегунов».

Лишь пятым, но в какой компании. Нет, этот бег, несмотря ни на что — большая удача Свиридова, а вот шестое место Кларка — большая трагедия этого замечательного бегуна, недавно первым в мире пробежавшего 10 000 метров меньше, чем за 28 минут. А вот еще одна большая удача: мексиканец Мартинес смело вел борьбу в лидерской группе, и его результат надо признать отличным.

Да, в спорте, как и во всей нашей жизни, тоже все относительно. Безусловным лишь в тот первый день борьбы был огромный успех трех африканских бегунов, трех призеров XIX Олимпийских игр: Н. Тему — Кения, М. Волде — Эфиопия, М. Гаммуди — Тунис. Можно смело утверждать, не боясь упреков в выспренности и излишней восторженности, что своим бегом они восхитили мир. Когда за 3 200 метров до финиша Кларк, все время державшийся в тени, стал неумолимо выдвигаться вперед, многим казалось, что смело и красиво бегущие три бегуна Африки не выдержат ритма этой безукоризненно отрегулированной беговой машины. Как они ошиблись! За три круга до финиша Волде вырвался вперед, и за ним устремился Тему. Но Кларк принял рывок. Был момент за 800 метров до финиша, когда он шел еще первым. Но это был его последний шанс. Кларк был уже на пределе своих сил, а Тему и Волде в неистовой борьбе друг с другом развили такую скорость, что стадион замер и лишь глухой рокот барабанов (может быть, это были тамтамы, привезенные в Мексику болельщиками Тему?), доносящийся откуда-то из глубины трибун, словно подчеркивал ритм этого незабываемого бега...

И вот финал, на последней прямой Тему вырвался вперед и финишировал под оглушительные взрывы криков всех сидящих на стадионе, вне зависимости от того, какие части света они представляли. Пролетел финишную черту Волде, за ним Гаммуди, затем мексиканец Мартинес, закончил бег Свиридов, и только тогда подвел черту своим надеждам Кларк и рухнул на траву. А Тему, воздев руки к небу, совсем как в свое время Куц, пробежал еще круг. Круг своего заслуженного почета...

...А когда все кончилось и толпы народа повалили к машинам, живая волна подняла нас и легко сунула в набитый до отказа автобус. Мы и не поняли, что это был за автобус. Десятки ног в такт аккомпанировали какой-то незнакомой, гортанной, с легким завыванием песне. Десятки рук барабанили по стенкам автобуса. Автобус все еще стоял, зажатый на дороге машинами, но нам казалось, что он несется по горным кручам. И все вокруг были в ярко-красных спортивных майках. Они все собрались в один автобус, вся кенийская делегация.

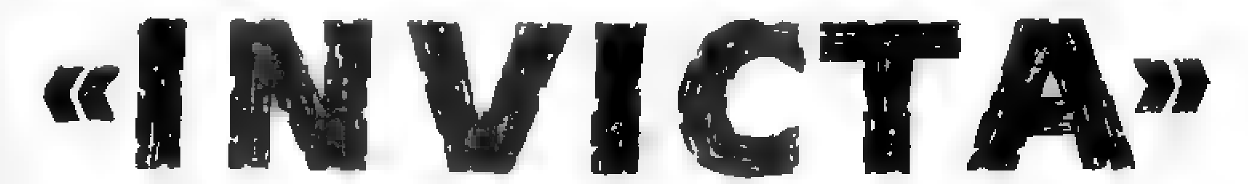
А тот, кто сегодня под мексиканским небом первым получил первую золотую медаль, сидел молча у самого входа, только глаза его блестели в полутьме. Потом к Тему пробились его друзья, что-то ему сказали, и он послушно вытащил из кармана золотую медаль, и она пошла по рукам, золотая медаль на зеленой ленте, и кенийцы давали ее трогать каждому, словно желая поделиться славой, которую принес Кении, да и всей Африке быстроногий, легкий, как лань, бегун Тему. А когда автобус остановился возле олимпийской деревни, Тему на руках вынесли, подняли высоко над головами и все с той же песней устремились к широко открытым воротам. Да, Африка в день открытия XIX Олимпийских игр оказалась на высоте!

Мехико, октябрь.

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СПИРТОМ ОТРАВИЛСЯ... ИЛИ?

Из КГБ пришло сообщение о том, что в Тульской области, в одной из деревенек, в семи километрах от станции Лазарево, несколько дней тому назад умер человек. Некий Константин Михайлович Кукин, колхозный счетовод. Жена вошла утром в горницу из сенцев и обнаружила, что ее муж мертв. Эксперт из районного отделения милиции установил, что смерть наступила от отравления спиртом. Вполне обычная смерть для пьяницы. Но тут же последовало опровержение. Жена заявила, что ее муж не был алкоголиком, что накануне вечером он вообще был трезвым и ничего не пил. Он водку-то пил раз в году. Кукина написала в обком партии жалобу, что ее муж умер не от отравления, а от нервного потрясения, что его «затравил председатель колхоза, который, дескать, похвалялся сжить со света Кукина». Одно письмо в обком, другое областному прокурору.

Последовало указание провести повторную медицинскую экспертизу. Пришлось сделать эксгумацию трупа. Второе вскрытие произвели судебные эксперты. Они поставили под сомнение первоначальный диагноз. Специалисты установили, что смерть наступила действительно от отравления, очень напоминавшего отравление спиртом

Судебные эксперты привлекли на консультацию медиков из Москвы и профессора химии, специалиста по новым ядам. Заключение специалистов оказалось ошеломляющим. Паралич Мгновенный паралич всей нервной системы. Типичные признаки отравления ядом «БЦ-12», запущенным в производство одной из химических фирм Западной Германии. Фирма пока тщательно оберегала секрет этого яда. Откуда бы появиться ему в глухой деревеньке Тульской области? Дело немедленно было передано для дальнейшего расследования в Комитет Госбезопасности. Я с группой товарищей выехал на место происшествия

Наша группа приехала слишком поздно. Эксперты утверждали, что был применен яд мгновенного действия, яд, который даже не надо принимать вовнутрь, достаточно какое-то мгновение вдыхать его пары, и человека разбивает полный паралич Принимая этот вывод экспертов, мы выдвинули версию, что Кукин был отравлен во сне. Но для этого отравитель должен был войти в избу. Жена же Кукина уверяла, что никто в дом к ним войти не мог Кукин спал в горнице, она спала с двумя детьми в прохладных сенцах.

Никаких подозрительных следов ни возле дома, ни под окном горницы. Изба стояла на высоком бутовом фундаменте. Для того чтобы влезть в окно, надо было бы встать на отлив над фундаментом Отлив был покрыт железом. Железо отошло местами, и, если бы человек наступил на него, оно громко загремело. Несомненно, что этот шум привлек бы внимание собаки. Собака не лаяла. Кукина утверждала, что она спит очень чутко и сразу просыпается, как только собака начинает лаять. Но ее показания можно было бы истолковать и как попытку навязать следствию ее версию смерти мужа от нервного потрясения. Она категорически отвергала все возможности проникновения постороннего человека в дом.

Мы допрашивали Кукину несколько раз, она настаивала на своем. Допросили многих свидетелей.

И вдруг сообщение из Москвы. Кукин не Кукин, колхозный счетовод почему-то считал необходимым жить под чужим именем. Подсказывать нам, что теперь результаты нашего расследования приобретают особое значение, было незачем Это сообщение звучало как приказ — искать и искать...

Итак, какая же возникала перед нами картина после допроса Кукиной и свидетелей?

В день своей смерти Кукин, как всегда, ушел на работу в правление колхоза. Работники правления ничего необычного не заметили в этот день. Кукин считался человеком мрачноватым и молчаливым Так же, как всегда, он помалкивал.

Вернулся домой в шестом часу вечера. Дни стояли сухие, давно не было дождей. Он принялся поливать огород на приусадебном участке.

Поужинали всей семьей. Затем стемнело, с темнотой легли спать. Тихая ночь. Кукина проснулась в пятом часу утра, в это время обычно выходил пастух и собирал стадо. Кукина выпустила корову и вошла в горенку

Она показывала, что ее смутила тишина и поза, в которой лежал муж на кровати. Он лежал на спине, далеко откинув голову. Одна рука к тому же безжизненно свесилась с кровати. Кукина окликнула его. Он не отозвался. Она подошла и взяла его руку. Рука была холодной как лед..

Мы ее здесь каждый раз останавливали.

Было ли открыто окно?

Окно было открыто.

Стояло ли что-нибудь у них на подоконнике? Стояли ли горшочки с геранями? Стояли ли на месте горшочки с геранью позже?

Все было на месте.

Может быть, кто-нибудь их передвигал? Если бы передвигали горшочки, могла остаться на подоконнике земля. Не заметила ли она просыпавшейся из горшочков земли?

Нет, не заметила.

Продолжение. См «Огонек» № 42.

— Что она сделала, когда узнала, что муж умер?
— Побежала к соседям.
— Наружная дверь была заперта?
— Была заперта на задвижку.
Вырисовывалась довольно странная версия. Итак, в дом никто не входил. Кунин провел вечер в семье. Накануне не выпил ни грамма водки. Ел из общей миски с семьей. Лег спать. Во сне был убит ядом «БЦ-12». Как к нему ему был дан этот яд? «БЦ-12» — яд сильнейший. Достаточно растворить одну каплю этого яда в стакане воды, и от испарений погибнут все, кто будет находиться в комнате. А если брызнуть ядом из шприца? Это тоже смертельно. Кому же так помешал Кунин, что его убили, применив столь радикальное средство? И кто это средство мог применить? Разведка могла располагать этим ядом.

Чья разведка? Это все вопросы, которые настоятельно требовали ответа. Любопытная картина вскрылась при установлении личности Кунина. У него оказался поддельный паспорт, искусно изготовленный в 1946 году. Сразу после войны. Там указывалось место рождения Кунина, обозначалось отделение милиции, выдавшее паспорт. Но там, в той деревне, где должен был бы родиться по паспорту Кунин, никогда никаких Куниных не было. Женился Кунин, уже будучи счетным работником колхоза в Курской области. Из Курской области он перебрался в Тульскую область и устроился на работу счетоводом в колхоз. Жена ничего не знала о его прошлом.

Удалось установить, что Кунин дней за десять до своей смерти выезжал из деревни. Он взял на пять дней отпуск и уехал в Москву. Так по крайней мере сказал жене и председателю колхоза. На станции взял билет до Москвы и сел в московский поезд. И опять терялись следы... И затерялись бы, если бы не отличная память у дежурного по станции Житово, следующей за Лазаревом — станцией по направлению к Москве. Он вспомнил, что в день отъезда Кунина в Москву с поезда ночью сошел в Житове пассажир. Сошел с поезда и ушел в поле по дороге к Симферопольскому шоссе.

Дежурному было скучно, с поезда сошел только один человек, и он внимательно к нему присмотрелся. Из любопытства, от нечего делать. Дежурному по станции в числе других фотографий показали фотографию Кунина, он опознал в нем ночного пассажира. Уже ниточка... Потянулась ниточка.

Выехал в Москву Кунин 25 мая. Был в Москве до 30 мая. Мы взяли этот отрезок времени и посмотрели по нашим оперативным сводкам, что произошло в эти дни. Но только в Москве.

28 мая в Ялту вошел туристский теплоход, принадлежавший западногерманской судовладельческой компании. Туристы вышли на берег, гуляли по городу, а 5 июня наши пограничники обнаружили на ялтинском пляже акваланг.

Акваланг в полном комплекте: кислородные приборы, маска, ласты советского производства. Все принадлежности акваланга были связаны нейлоновым тросиком. Тросик был оборван или скорее перетерт о камни. Нейлоновый тросик несоветского производства. Техническая экспертиза установила, что акваланг находился в воде не более десяти дней. Если 28 мая заходил в порт западногерманский теплоход, то получалось...

Что получалось? Напрашивался вывод, что кто-то нырнул с теплохода и, проплыв под водой до берега, вышел, оставив акваланг на дне. Чтобы акваланг не выбросило волной, его привязали нейлоновым тросиком к камням.

Нарушитель границы вышел из воды и затерялся среди купающихся. Смелая версия, но ничего невероятного в ней не было. С этой версией, пока только искусственно, с очень большой натяжкой, увязывался отъезд Кунина в Москву... Но не в Москву, он сошел на станции Житово. Он ушел в ночь. Он ушел в неизвестность, но никто не помешал бы ему появиться 28 мая в Ялте.

Нарушитель мог оставить акваланг под водой, но в чем он мог выйти на пляж? В купальном костюме? Значит, его кто-то встречал... Кто бы мог его встречать? Кунин? Мог! Опять же предположение! Пунктирная линия с разрывами довольно значительными... Кто мог бы ожидать, устраивая встречу, что Кунина запомнит ночной дежурный по станции Житово? Кто мог предполагать, что акваланг вынырнет из воды с кончиком нейлонового тросика? И что вообще мог означать кусочек тросика? Не такая уж это улика.

Но акваланг — все же ценный прибор. Кто бы его мог «потерять»? Такие вещи не теряют, а если случается такая потеря, то о ней потом много говорят. Разговор был... Был разговор о потере. Кто-то жаловался в те дни, когда прибыл теплоход, что потерял акваланг. Кто? Установить это уже не было никакой возможности. Человек потерял акваланг и уехал... А может быть, и не уехал. Просто заскучал...

Пустота... Предположения, основанные на предположениях. Случайные совпадения, странная смерть или странное убийство.

А может быть, Кунин сам покончил с собой? Могли быть и этому причины у человека, живущего под чужим именем?..

БОКАЛ...

Жил-был на свете некий коммерсант, господин Жаньен, французский подданный. Он был агентом сразу нескольких европейских фирм западногерманских, швейцарских и даже итальянских. По нему трудно было бы судить о конкуренции между этими фирмами: он с одинаковым усердием проталкивал товары всех фирм, где числился представителем.

Господин Жаньен частенько наведывался в Советский Союз. Не пропускал ни одной промышленной международной выставки на территории ВДНХ или в Сокольниках, приезжал для заключения торговых сделок с различными объединениями Министерства внешней торговли. Человеком он был живым, подвижным и активным. Находясь в Москве, он ухитрялся вступать в торговые переговоры не только с советскими фирмами, но и с представителями фирм капиталистических стран.

Всегда-то он был на виду. В восемь утра уже на ногах. Завтракал на скорую руку и к девяти часам уезжал на деловые встречи. Возвращался в гостиницу после рабочего дня, а вечером уезжал со своими контрагентами в какой-нибудь ресторан на званый обед.

Случалось, что господин Жаньен вступал в прямые переговоры с руководителями тех или иных заводов для ускорения торговой сделки. О нем говорили как о ловком торговце и богатом обворожительном человеке.

У западных коммерсантов принято при заключении торговых сделок обмениваться фирменными сувенирами. Сувениры бывают самые разнообразные. Тут и газовые зажигалки, и авторучки, и даже транзисторные приемники. Наши торговые представители также дарят сувениры при заключении торговых сделок. На сувениры отпускаются специальные средства. Стало быть, наш работник, получивший в подарок сувенир, обязан был его сдать по месту работы. Но он не тратил средства на ответный подарок.

Как раз в связи с этими сувенирами и заинтересовались наши органы фигурой господина Жаньена. Однажды невольно возник вопрос: что же все-таки считать сувениром? Можно ли, скажем, зачислить в разряд сувениров шубу из серой норки? Цена такой шубы на Западе приближается к двум тысячам долларов. Имеет ли смысл нашим торговым представительствам одаривать такими ценностями коммерсанта? В этом никто не усмотрел бы деловой необходимости. И однако при покупке партии советских станков наш представитель получил в подарок шубу из серой норки. Об этом подарке он не счел нужным никому докладывать. Присвоил этот «сувенир». Поинтересовались наши товарищи причиной столь необычной щедрости господина Жаньена. Неприглядная выявилась история. Взятка. Представителю, который вел переговоры с Жаньеном, были названы две цифры стоимости станков. Верхняя цифра — это наш запрос, нижняя — предел, по которому все же имело смысл продавать станки. Жаньен выторговал нижнюю цифру. Словно кто-то ее ему подсказал в ходе переговоров, эту контрольную цифру. Норковая шуба обошлась Советскому государству в копеечку.

Но опять же непойманный — не вор! Не было прямых доказательств преступного характера совершенной сделки. Подарок — это только косвенное доказательство. Сотрудника одного из объединений Министерства внешней торговли уволили с работы. Жаньену мы никаких упреков предъявить не могли. Он волен дарить все, что пожелает. Однако это событие побудило нас пристальнее приглядеться к нему.

Проверка показала, что Жаньен вовсе не Жаньен. До войны он носил другую фамилию и жил не во Франции, а в гитлеровской Германии. Коммерцией до войны не занимался. Вернее, не занимался коммерцией почти до начала второй мировой войны. Примерно за год до нападения Гитлера на Францию он переехал сначала в Испанию, затем уже из Испании во Францию и открыл посредническую контору по торговле автомобилями и сельскохозяйственными машинами. Принял даже французское гражданство. Тогда же и переменил фамилию — из Геннермана сделался Жаньеном.

Кем же был Геннерман в гитлеровской Германии? Это нам установить пока не удалось. Следы его прошлого затерялись. Но все же оставалось фактом, что в годы оккупации Франции он нисколько не пострадал, перебрался на территорию Виши, и дело его процветало. Можно было предполагать, что оккупационные власти и правители Виши покровительствовали ему за его какие-то темные заслуги. Опять же всего только предполагать...

Жаньен почти ничего не вывозил с собой. А если и вез, то только предметы, купленные в магазинах, с копиями чеков на руках. Спекуляцией не занимался. Большего не удалось узнать, пока мы не разоблачили группу спекулянтов валютой.

Мы давно и упорно шли по следам этой группы. Но не спешили с арестом, важно было установить, через какие каналы и через кого именно они получают валюту из-за границы. Сбывали они ее жуликам и спекулянтам. Но кому же за эту валюту шли советские деньги и для чего? А не шли ли они в карман иностранной разведки? Черный рынок и разведка.

Отмечено было, что валюта поступает всегда в одних и тех же суммах. Три тысячи долларов. Значит, кто-то так отработал систему передачи валюты, чтобы обмен ее на советские деньги не внушал никаких подозрений. Прямая передача, обусловленная долговременной договоренностью обмениваться пачками денег из кармана в карман — и все.

Мы обратили внимание на одну любопытную деталь. Две последних передачи трех тысяч долларов совпали с очередными приездами господина Жаньена. Ожидали его третьего приезда.

И после третьего приезда три тысячи долларов ушли в руки спекулянтов валютой.

Появились эти доллары в поле нашего зрения на четвертый день по приезде Жаньена в Москву.

В тот раз к его приезду мы готовились основательно. Длинным был список его встреч в эти дни. Деловые встречи в нескольких внешнеторговых объединениях, опять же деловые встречи с рядом иностранных коммерсантов. Передвигался в эти дни он по Москве и на такси, и на автобусах, и в метро. Множество было соприкосновений с советскими людьми. И ни одного выхода на какое-либо тайное свидание!

Наши работники долго раскладывали этот замысловатый пасьянс. Ничего нам эта раскладка тогда не дала.

И вдруг знакомое нам имя. Снятков принес нам список лиц, с которыми встречался Жаньен. В этом списке значилась фамилия Значковского. Автомобильные махинации и валюта...

Было над чем подумать.

В этот день господин Жаньен подъехал на такси к ресторану «Арагви». В ресторан вошел без очереди, предъявив свой заграничный паспорт. Он сел на первое же освободившееся место. За столиком в это время сидели Значковский, артист Государственной филармонии, супруги Учамприны, приезжие из Ростова в Тбилиси.

Автомобильные махинации, встреча с Жаньеном... Преднамеренная эта встреча или случайная?

Как раз после той встречи с Жаньеном Значковский побывал в заграничной командировке, привез «кинкитту», затеял скандал с Сальниковым. Закономерна ли связь этих событий между собой, или это только совпадение?

Мы должны получить ответ на этот вопрос. По-прежнему нас волновал и другой вопрос: действительно ли «кинкитта» была подарена Значковскому, или он купил ее на валюту, приобретенную спекулятивным путем и нелегально вывезенную в США?

Автомобилисты нередко бывают фанатиками. Значковский мог быть именно таким фанатиком. Решил фанатик Значковский приобрести себе такой автомобиль, как «кинкитта». Выехал на гастроли в чужую страну, имея при себе валюту. Находит человека, который мог бы ему купить автомобиль. Но как его вывезти? У него нет и не может быть зарегистрированной валюты на такую огромную сумму. Значит, туристская поездка отпадает. Надо ехать на гастроли. Дать концерт и получить за концерт от признательных слушателей подарок.

Допустим, что это так. Но зачем тогда скандал с Сальниковым по поводу машины? Зачем скандалом привлекать к себе внимание? Не глупость ли это? А может быть, жадность? Жадность одолела разум и логику...

Жаньен и его прошлое... Эмигрант из гитлеровской Германии? А не кадровый ли это разведчик? Под личиной коммерсанта легко выполнить роль разведчика, разъезжать по стране и завязывать нужные связи, быть ловцом неустойчивых душонок.

Жаньен и автомобильные спекуляции Значковского. В неприглядном свете выглядит наш музыкант. Не начать ли операцию с ареста шайки валютчиков? Мы возьмем, скажем, московскую шайку валютчиков. Но не спугнем ли мы этим преждевременно Жаньена, а с ним и передаточное звено валюты? Мы решили взять валютчиков, промышлявших на юге, а московских пока не трогать.

Всю эту операцию мы совместили с очередным приездом Жаньена в Москву. Если Жаньен действительно связан со спекулянтами валютой, кто-то, несомненно, должен встретиться с Жаньеном и предупредить его об опасности, и, вероятнее всего, в первые же часы его приезда.

Ждать пришлось недолго. Пришел запрос на визу Жаньену. За два дня до того, когда ему предстояло пересечь границу, мы арестовали в Тбилиси трех перекупщиков валюты. Установили наблюдение за Значковским.

Сети были расставлены, и мы ожидали улова.

Начала поступать информация, что на следующий же день после того, как были взяты тбилисские перекупщики валюты, Значковский заметался.

Бросилось в глаза, что он выехал из дома не на своей машине, а взял такси.

Казалось бы, теперь все просто: он вынырнет по своим адресам, и все его связи лягут у нас, как на карте. Ан нет!

Он останавливал такси возле автоматов, куда-то звонил. Приехал в Госконцерт, побыл там. Пообедал на этот раз в шашлычной «Севан». Отстоял очередь, сел за столик.

Такси возле «Севана» он отпустил. Взял другую машину со стоянки на площади Ногина. Проехал к ГУМу.

Вошел в ГУМ со стороны улицы Куйбышева и ускользнул от наблюдения.

Так внезапно и так искусно исчезают только те, кто имеет основание предполагать, что за ними может быть наблюдение, или замечают за собой наблюдение. Человек с чистой совестью не прибегает к таким маневрам. Исчезновение Значковского настораживало. Дома он появился к одиннадцатому часу.

Самолет Жаньена прибыл в семь утра. Жаньен в девять утра поселился в номере своей излюбленной гостиницы. Виза у него была на четырнадцать дней, однако, прервав все свои дела, он внезапно взял билет и выехал на аэродром и в 18 часов 30 минут вылетел рейсом Москва — Стамбул. Бокал...

Утром мы со Снятковым обсуждали столь неожиданные результаты работы, чтобы доложить начальству.

Снетков был молодым работником. Пришел в Комитет Государственной безопасности со студенческой скамьи. Опыта у него было маловато, но он был полон энтузиазма, энергии, большой любви к своей профессии и не боялся ошибок. Оно и понятно, по его молодости ему могли проститься ошибки, которые невозможно прощать людям с опытом.

У Михаила Николаевича Снеткова очень мирный и даже сугубо штатский облик. Никто не поверил бы, встретившись с ним вне стен Комитета, что это контрразведчик. Скорее его можно было принять за научного работника. Наивным и рассеянным делали его взгляд очки с толстыми стеклами. Он был близорук.

По складу ума Снетков — аналитик и даже психолог, а это для работы в органах госбезопасности очень важно.

— Ну как?— спросил он, когда я познакомился со всеми материалами.— Закрываем дело Значковского?

Он не был лишен чувства юмора, мой помощник. Он мне укоризненно напомнил почти созревшее мое решение передать дело Значковского — Сальникова в прокуратуру. Это когда я только что познакомился со Значковским. Конечно, с тех пор кое-что сдвинулось. Но именно «кое-что», и не более.

Факт, что Жаньен и Значковский сидели в ресторане за одним столиком. Мы установили, что за столиком они перебросились несколькими фразами. Однако вскоре же после этой встречи Значковский добился через Сальникова командировки за границу.

За границей он побывал — это факт... А что же для нас в этом факте особенного?

Факт, что он привез из-за границы дорогую машину. Подарок! В который уже раз мы упираемся в этот подарок. Никаких у нас не было оснований предполагать, что это не подарок... На этот раз из запутанного клубка вытягивался пока еще совершенно неприметный, коротенький кончик. Жаньен спекулировал валютой. Значковский встречался с Жаньеном. После ареста южных валютчиков Значковский заметался. Жаньен приехал на четырнадцать дней и уехал через несколько часов.

Снетков не сдавался. Он меня донимал одним вопросом: почему Жаньен так внезапно уехал?

Какое-то шестое чувство, весь мой опыт подсказывали нам, что Снетков прав, что мы на правильном пути, что между южными валютчиками, Значковским и Жаньеном есть связь. Но какая? Чувства к делу не приложишь!

Весь эксперимент с южными валютчиками предпринят, чтобы установить, есть ли какие-нибудь связи между Жаньеном и Значковским. И вот итог эксперимента: Жаньен бежал...

Казалось бы, мы упустили крупного валютчика. Но взамен мы получили подтверждение своих подозрений о деятельности Значковского. Значковский сделался для нас очень интересной фигурой.

ЛЕГЕНДА «ГОНЧЕГО ПСА»

Вернемся, однако, к истории с аквалангом на Черноморском побережье. Чтобы был ясен читателю дальнейший ход событий, придется забежать несколько вперед. Пока не время подробно излагать, как мы установили те факты, о которых сейчас пойдет речь. Позже все разъяснится. Речь пойдет о фактах, а не о предположениях.

28 мая, днем, когда туристский пароход западногерманской судовладельческой компании бросил якорь вблизи Ялтинского порта, из трюма парохода, из специального отсека, вышел человек. Нырнул к морскому дну с аквалангом и с кислородными баллонами за плечами. Проплыл под водой метров четыреста по направлению к городскому пляжу.

Поблизости от берега, где над водой виднелось множество голов купающихся, на минуту возникла еще одна голова, которая никем не могла быть замечена. Пловец сверился с направлением и вновь погрузился на глубину.

У самого дна он снял ласты, сбросил очки и отцепил кислородные приборы.

Все эти предметы он привязал нейлоновым тросиком за крупные камни на дне и вынырнул на поверхность. Один из многих купающихся, и только. Он плавал, нырял, давая привыкнуть окружающим к своему присутствию. Затем вышел из воды.

На береговой кромке он отряхнулся и проделал для разминки несколько гимнастических упражнений.

Если бы кто-нибудь взял на себя труд следить за этим пловцом, то увидел бы, что к нему подошел с пляжа его товарищ. Оба закурили и пошли пожариться на солнце.

Они устроились на лежаках, положив под головы белье и костюмы. Немного погодя оба еще раз искупались, оделись, вернули лежаки дежурному по пляжу и неторопливо пошли в город. Отдыхающие, каких тысячи.

Неподалеку от пристани они сели в автобус. Сошли через две остановки, один из них свистнул проезжающему мимо шоферу такси, на такси они уехали из Ялты в Симферополь.

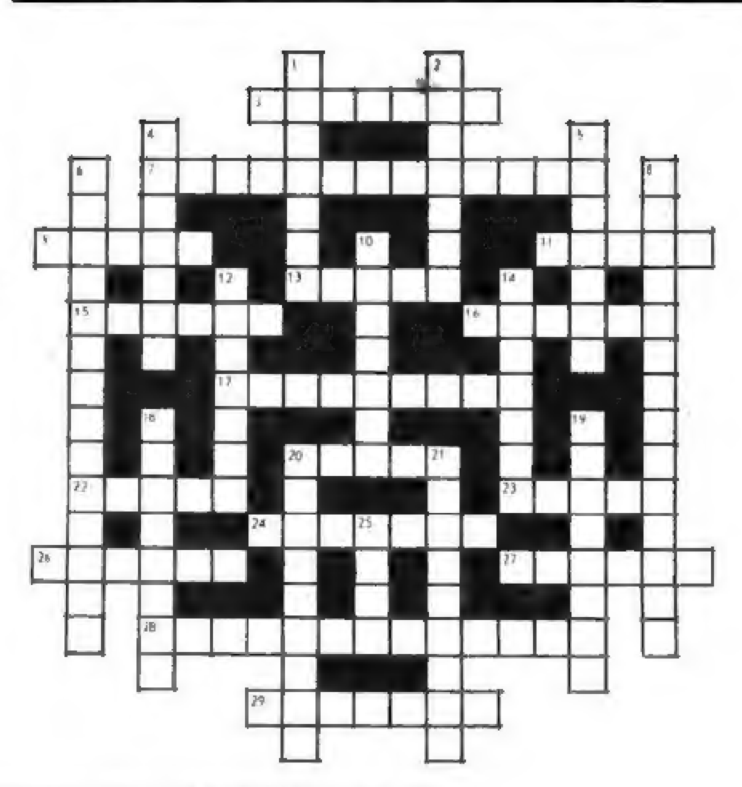
Обычная поездка.

В Симферополе они расстались. Тот, кто высадился с теплохода, вышел на окраину города и сел на попутный грузовик. В кармане у него лежал паспорт на имя Григория Ивановича Родина.

Родин, он же Дакин, вышел на задание, к которому его готовили несколько лет.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Металл. 7. Художественная литература. 9. Венгерский композитор, автор оперетт. 11. Русская игра с мячом. 13. Цирковой комик. 15. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 16. Остов изделия, сооружения. 17. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 20. Приток Дона. 22. Советский актер, народный артист СССР. 23. Центр области в Италии. 24. Древнегреческий писатель. 26. Планета. 27. Покрывало для лошади. 28. Русский путешественник и исследователь Камчатки. 29. Математическое действие.

По вертикали:

1. Русская народная сказка. 2. Река в Саратовской и Волгоградской областях. 4. Автономная советская республика. 5. Иносказательное выражение. 6. Класс позвоночных животных. 8. Совокупность наук о природе. 10. Предприятие связи. 12. Приспособление для усиления человеческого голоса. 14. Минерал ярко-зеленого цвета. 18. Город на Украине. 19. Врач. 20. Вышка, надстройка над зданием. 21. Цветок. 25. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42.

По горизонтали:

5. Васильев. 7. Медальон. 10. Аранжировка. 11. «Белка». 13. «Волга». 14. Нерис. 18. Рюкзак. 19. Игарка. 20. Сорока. 21. Пропан. 23. Фасад. 25. «Стоик». 27. «Юдифь». 28. Амортизатор. 29. Бухтарма. 30. Мопассан.

По вертикали:

1. Тахометр. 2. Дежнев. 3. Печора. 4. Вороника. 6. Ларга. 8. Аркан. 9. Диалектология. 12. Кокарда. 15. Еврипид. 16. Гайка. 17. Угорь. 20. Скалозуб. 22. Нафталан. 24. Домра. 25. Сарема. 26. Краков. 27. Юнона.

На первой странице обложки: ...И так каждый год — однажды в конце августа из Улан-Батора отправляется в Москву поезд с особенными пассажирами — с теми, у кого сбылась мечта учиться в Стране северного брата. Уехала в тот день и Сувд. В третий раз — на третий курс Всесоюзного государственного института кинематографии. А познакомились мы с этой девушкой незадолго до ее отъезда — нельзя было не сфотографировать ее, чье имя — Жемчужина!.. Сегодня фотография юной Сувд на первой обложке «Огонька». Но это еще не дебют! Мечтавшая со школьных лет о сцене, об экране, Сувд понимает, как тернист путь к дебюту, как многому еще надо ей учиться. У своего народа, у любимых мастеров монгольской сцены и у советских учителей. И еще Сувд рассказала о московских подругах, о двух своих Олях — Григорьевой и Сошниковой, о том, как девушки группы готовятся к самостоятельной постановке пьесы Гарсии Лорки «Дом Бернарды Альбы». Начали читать и «Фальшивую монету» М. Горького, где Сувд дали роль Полины, и теперь Сувд все больше и больше размышляет о том общем, что есть, не может не быть в характерах и судьбах женщин России и Монголии... Сувд улыбается и вздыхает одновременно... Улыбка со вздохом — это значит труд и радость и нет ничего невозможного. До встреч на экране, Сувд!

На последней странице обложки: Утро в Улан-Баторе. Счастье — так назвали эти люди свою дочку. В детском саду всегда рады взрослым гостям! Есть в столице 12-й микрорайон, самый красивый, строить его помогают советские друзья. Бродят вольные табуны... Депутат Великого Народного Хурала МНР Минчжур — председатель СХО «Гэрэлт зам» («Светлый путь»). Тысячи непуганых журавлей в долине реки Суман-гол. Дискоболка Д. Намжилма. Привал охотника. В пути... Архангайский пейзаж. Вечером в суури — на стойбище животноводческой бригады. Геоморфологический отряд совместной советско-монгольской экспедиции: научный сотрудник С. Жигж, начальник отряда В. Чичагов и доктор географических наук Н. Кузнецов.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-26; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00487. Сдано в набор 1/X-68 г. Подписано к печ. 15/X-68 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 010 000 экз. Изд. № 1809. Заказ № 2619.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Амгалан. ВСАДНИКИ.

Мудрость аратов

МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Стая сидящих сорок сильнее тигров, идущих врозь.

Как есть, так быстрее коня, а как работать, так вросшая скала.

Как награду получать, так улыбается, а как требовать с него, так хмурится.

Нет большего счастья, чем жизнь, нет лучшей науки, чем опыт.

В словах стариков — мудрость, в поговорках — поучения.

Вода очищает вещи, учение очищает ум.

Трудности учат, баловство портит.

Лучшая из наук — дружба.

От лунного света и снег белеет, от мудрого слова и разумный умнеет.

Солнце взойдет — оживает природа, книгу прочтешь — просветляется ум.

Образованный человек скромен, широкая река спокойна.

Много звезд — украшение неба; много знаний — украшение ума.

И в убогой юрте рождаются ученые.

Лучше меньше говорить, да больше думать.

Точильный камень ищи на горе, слова ищи в разуме.

Руки до седла не достают, а он их до неба протягивает.

У болтуна всегда занят язык, у труженика заняты руки.

Чем труднее в юности, тем легче в старости.

От безделья почки жиром обрастают.

Услышит про водку — слюнки текут, услышит про работу — будто на шило сел.

Нет птицы, которой не нужны крылья; нет человека, которому не нужен мир.

Безоружному любой зверь страшен.

Легче решать дело миром, чем дракой.

Ненадежный друг хуже ядовитого врага.

Имеешь друзей — широк, как степь, не имеешь — узок, как ладонь.

Друзья радуются — враги злятся.

С другом легче и под дождем мокнуть и в стужу мерзнуть.

Где меж людей раздор, там пронырам простор.

Двое дружных — железная ограда, двадцать недружных — расшатанный частокол.

Далекие горы туманы и тучи соединяют; далеко живущих людей дела сводят.

Работу делают умением, трудность преодолевают согласием.

Если кричать, то в один голос; если трясти, то общими силами.

Множество рук лучше одного богатыря.

Доброта сердца лучше щедрости.

Хочешь узнать человека — смотри на его поведение.

Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность органу ЦК МНРП — газете «Унэн», отделу печати МИД МНР, посольству МНР в Москве, а также газете «Новости Монголии», журналу «Современная Монголия», монгольскому телеграфному агентству МОНЦАМЭ, Союзу писателей Монголии, Федерации монгольских организаций мира и дружбы, всем монгольским товарищам, которые приняли участие в создании этого специального номера.

Амгалан. ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ...

В ШКОЛУ.

9-18